

КОНСТАНТИН
МЗАРУЛОВ

АВГУСТОВСКИЕ
ТАНКИ

Боевая фантастика (АСТ)

Константин Мзареулов

Августовские танки

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мзареулов К. Д.

Августовские танки / К. Д. Мзареулов — «АСТ»,
2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109601-4

Внезапной атакой с гигантского космического корабля пришельцы из космоса вывели из строя всю современную полупроводниковую технику. Над земной цивилизацией нависла смертельная угроза. Но нашлись в России баллистические ракеты с термоядерными боеголовками и ламповыми блоками управления. Для отпора успевшему высадиться десанту по всей стране собирают музейную и кое-где сохранившуюся на консервации бронетехнику. Только старые машины, в которых нет полупроводниковых приборов, могут противостоять врагу. На поля сражений выходит бронированный антиквариат из армейских баз хранения и музеев. В этой войне танки снова решают все. Ведь и у агрессора есть только такие же трофейные древности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109601-4

© Мзареулов К. Д., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Давидович Мзареулов

Августовские танки

© Константин Мзареулов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Короткая гроза не прибавила прохлады. Хотя солнце уже коснулось нижнем краем далекой рощи, столбик термометра падал весьма неохотно. Лишь кондиционер спасал от июльского зноя.

Очередной жаркий день, полный привычных неприятностей, прибавил злости в нейронную сеть, поэтому после третьей стопки старика потянуло на философские обобщения.

– Мир меняется, и не к лучшему, – мрачно изрек творец альтернативных реальностей. – Человечество тупеет, науке предпочитают мистику, а книгам – компьютерные игры. Международное право сокрушено, восторжествовал примат грубой силы. Большинство вынуждено подчиниться меньшинству, не смея даже заикнуться о собственных интересах! Космонавтика застыла на уровне тридцатилетней давности. Компьютеры превратились в игрушки, которыми может пользоваться любой debil с мозгами трехлетнего ребенка. Уже говорят, что клавиатура не нужна, что большинству достаточно водить пальцем по экрану! Да что там клавиатура – танки больше не нужны, воевать будет пехота на бронированных джипах! Ничего уже не нужно – ни наука, ни прогресс, ни экспансия. Образованные люди без надобности, достаточно уметь на три клавиши планшета нажимать, писатели тоже не нужны, равно как гонорары для нашего брата! Средства массовой дезинформации зомбируют публику, которая верит любому бреда – что из телевизора, что из Интернета. Это – полная деградация, человечество несется в пропасть, и я не представляю силы, способной остановить катастрофу...

Максимов осекся, сообразив, что смешон: вещает вечные истины, уподобившись мудрому питону Каа.

Однако аудитория, к его удивлению и тайной радости, слушала знаменитого писателя вполне благожелательно. Молодой коллега Мамонтов, создавший не один цикл космооперных боевиков, одобрительно поднял заломленную бровь, а читатели и вовсе не моргали, внимая откровениям классика современной фантастики.

Молчание нарушил, конечно, собрат по литературному ремеслу, прославившийся мерзкой привычкой дотошно выискивать нестыковки в логике собеседников. Свои ошибки он, разумеется, не замечал и старался не признавать.

– Трудно не согласиться с очень многим из сказанного, – начал Мамонтов. – И добавить можно было бы много всякого. Тотальное оглушение признают уже по всему миру, элементарно грамотных клерков для офисов не хватает. Только вот, извини, дорогой, не соглашусь, что наука совсем вымирает. В биохимической физике множество достижений. Обещают вскорости лекарство для омоложения. А вдобавок – не поверишь, но было множество публикаций, что научились делать органические полупроводники – на рибонуклеиновых молекулах.

– Погоди, придет поколение, выросшее на айфонах-айпадах – они быстренько прикончат остатки науки, – миролюбиво проворчал Максимов.

Воспользовавшись паузой, в разговор вклинилась Люба Горюнова, известная среди ролевиков под ником Тринадцатый Барлог. Немного конфузясь, девушка проговорила скороговоркой:

– Я недавно читала на ленте научных новостей... Сенсорные экраны покрыты пленкой из специального сплава индия с оловом. Так вот, все запасы индия на Земле исчерпаны. Металл – очень редкий, а все запасы ушли на производство нескольких миллионов экранов для смартфонов и планшетов.

– Чего-то в таком духе следовало ожидать, – желчно прокомментировал Максимов.

– Все верно, – печально согласился Мамонтов. – Может, и есть в мировых элитах нормальные люди, но вынуждены скрывать свою нормальность, а заправляют подонки. Как правильно сказал коллега, пресса зомбирует население, вколачивая в извилины безальтерна-

тивные взгляды, удобные для правящих ублюдков. Общество потребления употребило человечество. Налицо тотальный кризис постиндустриальной цивилизации. К прискорбию, из таких кризисов человечество выходит единственным способом.

Сидевший до сих пор молча Ким Болотников, помрачнев, проговорил, кивая сокрушенно:

– Вот и мне кажется, что война созрела, стала неизбежной. Там, на югах, совсем плохи дела. И у нас на Кавказе, и по всему Ближнему Востоку, и в Африке черт знает что творится. Про события на Украине даже говорить не хочется. Будто совсем не осталось умных людей, чтобы крикнуть, мол, очнитесь, люди, скоро повсюду рванет!

– Кричим, уж глотки надорвали, – яростно прошипел Мамонтов. – Только не доходят наши крики до адресатов. Страшнее же всего, что для важных работ не желают привлекать профессионалов. Вот, самый последний пример – общественная комиссия по встрече гостей из космоса. Четыре бизнесмена, менеджеры финансовых потоков. Скандальная балерина и еще два тупых урода из шоу-бизнеса. Профессор астрономии, четверть века вопивший, что в космосе нет разумной жизни. Телевизионная потаскушка, ведущая передачи про Атлантиду в Крыму, летающие тарелки Гитлера и пещеру снежного человека в Абхазии. Ну, до кучи адвокат, защищающий северокавказских боевиков и среднеазиатских наркоторговцев. Разумеется, парочка депутатов, авторы идиотских законов, которые президент отменяет через полгода... Плюс блогер, неизвестно чем прославленный. И единственный писатель-фантаст, выдающий лишь фэнтезухи про колдунов, эльфов и вампиров! Обратите внимание – ни единого космонавта, никого из мастеров жесткой научной фантастики, собаку съевших на космической теме, на контактах с пришельцами!

– В том числе специалистов по огненным контактам! – взрычал Максимов. – Я не говорю, что нас двоих надо было пригласить. Но есть же люди, которые много наработали про то, как с пришельцами обращаться следует... Э-эх!

Молодые люди возрадовались, ибо с раннего вечера ждали, когда же начнется главный разговор. Обоих писателей Ким и Люба знали не первый год: и Максимов, и Мамонтов частенько навещали конвенты ролевиков, а с недавних пор – и мероприятия реконструкторов военной истории. Сегодня днем писатели нагрянули в подмосковный клуб, готовивший шоу к очередной годовщине сражения при Гросс-Егерсдорфе. Состоялась интересная дискуссия, писатели раздали поклонникам автографы. А когда расходились, вдруг выяснилось, что семья Мамонтова загорает у Черного моря, так что квартира пустая и можно продолжить интересное общение. Кроме заклятого друга Максимова в гости напросились девочка-бард и отставной пилот-штурмовик, ныне же – тренер в местном авiakлубе.

Разумеется, больше всего Любу и Кима интересовало мнение знаменитостей о приближавшемся космическом корабле, который был обнаружен в начале недели. В клубе писатели высказались не слишком внятно, словно не горели желанием обсуждать пришельцев. Однако два ролевика-реконструктора надеялись, что удастся вытянуть фантастов на откровенность. И вот – удалось.

Обрадованный летчик буквально взмолился:

– Товарищи дорогие, вы же понимаете, что хотят услышать все нормальные люди, сохранившие хоть малюсенькую способность соображать... Как по-вашему, с какими целями они летят?

Мамонтов проворчал, не сгоняя с лица кривой усмешки:

– Но ведь и вы должны понимать, что мы не ясновидящие, точных ответов не знаем, только предполагать можем.

– Вполне достаточно! – запальчиво вскричала Люба. – Ваше мнение многого стоит!

– Преувеличиваешь, дочка... – Максимов поморщился. – Знаем-то мы не больше, чем зомбоящики врут. Короче говоря, вечером понедельника по московскому времени радиотеле-

скопы южного полушария обнаружили слабые сигналы. Приблизительно в той части неба, где находятся созвездия Тукан и Южная Гидра. На другой день поднялась паника, журналисты и блогеры, почуяв сенсацию, вопили о приближении корабля пришельцев или втором пришествии, политики и ученые авторитетно заверяли, что сигналы имеют вполне природное происхождение...

Косо глянув на младшего коллегу, старик буркнул: дескать, ты все-таки преподавал астрономию, вот и рассказывай. У тебя лучше получится. Мамонтов нехотя продолжил излагать известные факты:

– Короче говоря, днем в среду тональность информации резко поменялась. Общественность в тот день больше волновало расставание кинозвезды с теннисистом, а также перестрелки на Кавказе и дальше к югу. А коллеги мои, то бишь астрономы, неожиданно поведали миру, что загадочный объект преодолел за сутки почти три световых часа, сбросив скорость с одной четвертой до одной десятой световой, причем продолжает тормозить и движется почти точно в сторону Земли. Сомнений не оставалось – это корабль инопланетных пришельцев. Последующую панику вы помните: в магазинах исчезли мука, крупы, соль и спички...

– Сам консервов накупил, – сконфуженно признался Ким. – Ну, и сигарет четыре блока, макароны...

– Мы тоже всей семьей по торговому центру бегали... – почти шепотом сообщила Люба. – Еще я набрала патронов. Мало ли как обернется.

Писатели благосклонно покивали. Они знали, что девушка показывает прекрасные результаты в пулевой стрельбе.

После коротенькой паузы снова заговорил Максимов:

– Утром в четверг пришельцы начали передавать всякую дребедень – натуральные числа, пифагоровы штаны, потом пошли изображения каких-то пейзажей. В общем, как будто все. Разве только сегодня утром проскочили сообщения, что кораблей не один, а целых два. Что же до их намерений, то фактов недостаточно для однозначного вывода.

Ким, хоть и был человеком сугубо военным и покинул Вооруженные силы не по собственной воле, но вследствие грандиозного реформаторства, выразил робкую надежду: мол, хорошо бы обошлось без стрельбы и метания средств массового принуждения к покорности. Напротив, юная гостья рвалась надрать пришельцам разные части организма и заявила о твердом намерении записаться на контрактную службу – снайпером в спецназ или ВДВ.

Снисходительно посмеиваясь, писатели стали объяснять, что войну с космическими путешественниками будут вести не солдаты-одиночки, но пользователи высокотехнологичного оружия вроде роботов, дронов, сверхточных ударных комплексов. При этом творцы воображаемых миров и ситуаций не скрывали скепсиса по поводу надежд, будто земная техника сможет противостоять существам, способным преодолевать межзвездные бездны.

– Проще говоря, вы не надеетесь на мирные намерения пришельцев? – подытожил Болотников.

– Я вообще привык в любой ситуации ждать лишь самого худшего, – просветил его Мамонтов. – Попытаемся оценить известные факты при помощи элементарной логики. Два корабля двигались к нашей планете, соблюдая радиомолчание, словно рассчитывали подкрасться незамеченными.

– Вдобавок прикрывались какими-то хитрыми помехами, – желчным голосом вставил Максимов. – И на связь с нами вышли только после того, как были обнаружены чилийским радиотелескопом.

– Полагаешь, они узнали, что обнаружены? – Мамонтов закинул голову и задумчиво почесал подбородок. – Любопытная мысль, не вижу противоречий. Да, похоже, они следят за событиями на Земле, то есть перехватывают наши телерадиосигналы и, вероятно, разобрались

в наших языках... Факт следующий: пришельцы стараются скрыть от нас, в каком направлении находится их звездная система.

Не стоило даже сомневаться: как и многие земляне, Ким в эти дни проштудировал астрономические справочники или просто задал поиск в Интернете. Летчик принялся перечислять похожие на Солнце звезды в Южной Гидре и Тукане, добавляя расстояние – в световых годах и парсеках.

– Направление известно, – резюмировал он. – Ближайшая звезда – Дзета...

Замахав на него руками, Мамонтов охладил энтузиазм реконструктора:

– Не так просто, уважаемый. Мои друзья-астрономы сообщили странный факт... Звездолеты пришельцев оставляют нечеткий, но различимый след в межпланетной среде – ионизируют газопылевые облака. Так вот, удалось обнаружить продолжение этого следа на окраине Солнечной системы. Получается, что незваные гости описали дугу и теперь движутся вовсе не по тому направлению, с которого прилетели.

– Замечают следы, – немедленно сделал вывод Максимов. – Подведем итог: это вторжение.

– Да уж, на мирную научную экспедицию не похоже, – согласился Мамонтов. – И на торговый караван тоже. Я, конечно, снова выложу сообщение в «Одноклассниках» и на «Мордокниге», но кому интересно мнение заштатного писателя из второй полусотни рейтинга?

Максимов напомнил коллеге, что завтра или послезавтра их пригласят в Останкино. И хотя ведущий передачи не слишком приятная личность, они все-таки смогут предупредить соотечественников об угрозе.

Все поняли правильно: надо оповестить как можно больше народу по своим каналам, то есть выкладывать тревожные сообщения в социальных сетях, а то и по телефону с друзьями поговорить.

Настроение, само собой, упало ниже ватерлинии, поэтому в тот вечер они пели только грустные песни, пропитанные махрово-депрессивным пессимизмом.

Глава 1

Черные тени в тумане росли, туча на небе темна

Эшелон был воинский, но шел вне расписания, поэтому зеленый свет ему не давали. Вот и в ту летнюю ночь их остановили, загнав на запасные пути в какой-то глуши, чуть-чуть не доезжая белорусской границы. Проснувшись на верхней купейной полке, старший лейтенант Реутов посмотрел в окошко и грустно резюмировал: снова стоим.

Собственно говоря, остановки танкиста не слишком огорчали. Командировка в Польшу представлялась чистым внеочередным отпуском, и чем дольше железнодорожники будут валандаться, тем лучше отдохнем и отоспимся. Сладко зевнув, Аркадий перевернулся на другой бок и секунду спустя уже похрапывал.

В следующий раз он открыл глаза в девятом часу, потому что сосед по купе капитан Суровегин слишком громко хлопнул дверью, возвращаясь из сортира.

– Дрыхни, – лениво посоветовал Витяня. – Майор ходил к начальнику станции. Тот сказал, что до вечера не двинемся.

– Устал дрыхать, – признался Реутов и сел на полке, свесив босые копыта сорок четвертого размера. – В умывальнике очередь или как?

– С нашей стороны вроде бы спокойно. Народ еще не продрал зенки.

Прихватив мыло и зубную щетку, Реутов сбегал в санузел. Облегчившись и умывшись, он потер ладонью отросшую на щеках и подбородке щетину, подумал о бритве, потом еще раз подумал и решил, что побреется вечером, потому как на стоянке в Минске следует быть при параде.

Позавтракали они на троих, растолкав для такого дела своих лучших друзей Генку Водоходова и Дениса Зорина. Буфет на станции был закрыт, поэтому доедали вчерашнюю колбасу, картошку и яйца вкрутую.

– Хлеба надо прикупить, – задумчиво сказал Суровегин. – И консервов.

– Овощей и фруктов, – добавил Генка. – Обычно вдоль дороги тетки кур продают жареных, яйца, вишни всякие. Но вчера, как с утра отоварились, больше я такого сервиса не видел.

– Плохо смотрел, – усмехнулся Аркадий. – Ты еще скажи, что водку не продают... Но что правда, то правда – в этой дыре с обслуживанием неважно.

– Инопланетяне всю торговлю распугали, – хохотнул капитан. – Бабки припрятали товар, надеются с братков по разуму подороже содрать.

Командир отдельной танковой роты майор Глебов благосклонно принял идею послать квартирмейстерскую экспедицию в ближайший населенный пункт и велел отовариться на всех. Офицеры скинулись, и Суровегин с Аркадием отправились на поиски цивилизации, прихватив в качестве гужевой силы трех сержантов поздоровее.

По дороге сам собой завязался разговор о громадном космическом корабле, который приближался к Земле со стороны созвездия Южной Гидры. Газеты, телеканалы и блоги шумели об этом событии всю последнюю неделю, но никто ничего толком объяснить не мог. Каждый день сообщали о депешах, присланных звездными гостями земным правительствам, но всякий раз оказывалось, что массмедиа снова наврали. Вчера даже проскочили сообщения, будто кораблей прилетело не меньше двух.

Как ни удивительно, местных обитателей космические гости совершенно не волновали. Каждый встречный абориген почему-то интересовался, не в Польшу ли идет воинский эшелон. Услышав утвердительный ответ, селяне испуганно крестились и спрашивали, надолго ли война и скоро ли американцы начнут бомбить.

В зале ожидания большой станции, куда танкисты добрались после полуторачасовых блужданий по сельской местности, работал телевизор. Как раз начиналась информационная передача, и стало понятно, почему в народе предчувствие войны и воздушных налетов: накануне польский и литовский президенты призвали ввести в их страны дополнительные батальоны сил НАТО и нанести упреждающий удар по треклятой Москве.

Впрочем, о международных делах дикторы пробарабанили скороговоркой, вернулись к главной теме дня, и в эфир пошел специальный выпуск.

Выступали деятели Общественной комиссии по встрече братьев по разуму: профессор-астроном, известная балерина, юная звезда попсы, киноактер предпенсионного возраста, модный организатор митингов оппозиции, депутат околоправительственного блока и девица, которую Реутов где-то видел – кажется, она играла в нескольких телесериалах. Астроном пытался рассказать, как его команда работает над расшифровкой радиосигналов чужого звездолета, но шоу-публика без конца перебивала профессора. Так и не выслушав ученого, политик и митингмейкер при поддержке девиц и старика призвали устроить грандиозный концерт для торжественной встречи пришельцев.

Возвращаясь на полустанок, тяжело нагруженные танкисты вдруг стали вспоминать несколько недавних фильмов о вторжениях агрессивных инопланетян. Как положено в Голливуде, пришельцев уничтожали небольшие отряды солдат с винтовками при содействии мирного населения.

– Чего-то подумалось, – вырвалось у Реутова. – Вдруг они на самом деле с враждебными целями прилетели? Монстры какие-нибудь. И вот начнется война, все наши пойдут в бой на настоящих танках, а мы, как идиоты, будем со стороны наблюдать со своими игрушками. Если кто-то увидит, какие у нас «коробки» – засмеют.

– Аркан, успокойся, – хохотнул Витяня. – Меньше смотри голливудскую муть. И вообще – мы сами скоро кинозвездами станем.

По такому поводу все долго ржали, а потом – до самого состава с танками – обсуждали, как загуляют в Минске. Минск был ближайшей задачей подразделения, а за белорусской столицей намечалась и задача последующая – Варшава. Офицеры предупредили сержантов: дескать, особенно не шикайте, не так уж много нам валюты командировочной выдадут. Варгушин в ответ лишь осклабился и объяснил, что расхотать злотые придется только на первый сабантуй, а потом уж нас пани с паненками кормить-поить будут.

Возможно, так у него и получится, подумал Аркадий. Сержант-контрактник Серега Варгушин был невероятно удачлив по части женского вопроса, словно знал волшебные слова.

Возле тепловоза их встретил капитан Лычкин, командир взвода из трех БТ-5, то есть непосредственный начальник старшего лейтенанта Реутова и лейтенанта Зорина. Свирепо сузив глаза, Лычкин осведомился, откуда они возвращаются и что несут в сумках. Узнав, что выполняли приказ командира роты, капитан поморщился, но шмонать не стал. Скорее всего, постеснялся Суровегина.

Лычкин относился к офицерам, умевшим командовать «ртом и матом», но другими аспектами воинского дела не овладевшим. Он постоянно подозревал подчиненных в безалаберности, придирался по мелочам, а в итоге на прошлогодних российско-китайских учениях вывел подразделение на полигон, второпях отменив заправку. Почти половина танков остановилась, не сумев пройти маршрут, и майорская звезда Лычкина раскололась на четыре капитанские. Судя по всему, командование Восточного военного округа с радостью спланило нервного капитана в «кинематографическую» роту. В эшелоне, на прерванном пути в Польшу, взводный задолбал всех подчиненных неусыпным учетом и контролем.

Неприятная личность.

В вагоне намечалась очередная пьянка с картами, но душа совершенно не лежала ни к преферансу, ни к интеллектуальным играм вроде буры или очка. Пить после вчерашнего

вообще было страшно. Поэтому, прихватив свою пайку, Реутов тихонько испарился из вагона, пробежал мимо состава, залез на платформу и разлегся в тенечке своего танка с бортовым номером 225. Прямо над ним, на крыше башни, сидел Варгушин и громко переговаривался по мобильнику, признаваясь кому-то в пламенной любви.

«Вот же кобель», – отпустил мысленный комплемент Аркадий, заканчивая трапезу. Заткнув уши гарнитурой, он включил айпод и закрыл глаза, наслаждаясь творением Андрея Земскова.

...А на фронте идут затяжные бои целый век,
Там на бритую голову падает ядерный снег,
Там бежит человек и кричит по-японски «банзай»,
Так что лучше заройся поглубже и не вылезай.

А танкисту все давно параллельно,
Он же в танке и не ест, и не пьет.
Он без танка был бы ранен смертельно,
А в железе он спокойно живет.

– Вроде большие погоны пожаловали, – пробился сквозь песню тревожно-сдавленный крик Варгушина.

Присев на корточки, старший лейтенант выглянул из-за антикварной машины. Неподалеку остановился выкрашенный в защитный цвет УАЗ-469, из которого вышел пожилой полковник. Наушники продолжали извергать рифмованную фантазмагорию:

Из трампарка трамвай не угонишь – кондуктор не даст.
Проще танк увести – до хрена этой дряни у нас.
В землю траками будет впечатан жирующий глист,
Так спасутся четыре собаки, а с ними танкист.

А танкисту глубоко параллельно,
Он же в танке и не ест, и не пьет...

Незнакомый старик-полковник явно вознамерился поближе познакомиться с диковинным эшелонном. Еще, не приведя нечистый, сунется в офицерский вагон и застучит всех в карточно-водочном непотребстве. Решительно содрав наушники, Реутов спрятал чудо заморской техники в карман кителя, расправил форму ладонями, почистил ботинки ветошью и, спрыгнув с платформы, зашагал к узику.

Его попытку отрапортовать гость выслушал невнимательно и, добродушно улыбнувшись, буркнул:

– Отставить, старший лейтенант. – Козырнув, он представился: – Полковник Мадригайлов. Служу тут поблизости... тяну лямку до пенсии.

Полковник добавил, что услышал про необычную воинскую часть и решил полюбоваться коллекцией древнего железа. Приободрившись, Аркадий подозвал Серегу. Вдвоем они помогли ветерану вскарабкаться на платформу и показали Мадригайлову всю бронетехнику. Полковник вроде бы даже расчувствовался, поглаживал и похлопывал горячий металл, бормоча что-то неразборчивое.

Ветеран явно не собирался насмехаться над старинной рухлядью. Реутову гость понравился, и старлей сказал уважительно:

– Настоящая броня, товарищ полковник. Только современная, то есть лучше, чем в сорок первом году была.

– Неужели броневой прокат поставили?! – вскинулся полковник. – На эти декорации не пожалели?

– Частный заводик заказ выполнял, товарищ полковник. Тот самый, который простые лимузины бронированными делает. У них этих листов толщиной три четверти дюйма – хоть закопайся. Установили в два слоя. И движки современные поставили – дизеля от большого самосвала. Вместо доисторических смотровых щелей – вполне пристойные триплексы.

– Постарались... – в голосе Мадригайлова прозвучали неожиданные нотки раздражения, даже злобы. – Ты еще скажи, что пушки настоящие.

– Так точно, настоящие. Хоть сейчас в бой. – Аркадий поспешно добавил: – Пулеметы тоже сравнительно новые – ПКТ. Боеприпасы, само собой, только холостые.

Расхохотавшись, полковник закашлялся, но продолжал смеяться. Потом подвел Аркана к сцепке двух платформ, за которой открывался вид на унылый сельский пейзаж.

– Видишь груды шпал, а за ней, в километре примерно, серый каменный амбар?

– Вижу, – не стал отпираться старший лейтенант.

– Между прочим, это склад очень старого барахла, – сообщил Мадригайлов. – Полигон еле-еле живого НИИ баллистики. Я случайно узнал анекдот: недавно туда завезли унитарные боеприпасы самых доисторических образцов, включая ваши сорокапятки. Специально наштамповали тышчонку-другую выстрелов для каких-то экспериментов... Так что можете загружать боекомплект и штурмовать Варшаву.

Реутову показалось вдруг, что старик не шутит. Однако полковник не стал продолжать разговор, а попрощался, в последний раз оглядел бронетехнику на платформах и, кряхтя, спустился на насыпь. Сам слез, без помощи бойцов «отдельной кинематографической роты». Стоя возле своего БТ-5, Аркадий смотрел, как ветеран идет, прихрамывая, к машине.

УАЗ развернулся и укатил. Пожав плечами, Реутов вернулся в тень. Солнце подбиралось к зениту, день обещал быть жарким.

Полковник Кирьян Мадригайлов дослуживал последние дни перед отставкой. Он благополучно достиг отмеренного законами предельного возраста, заканчивались и прибавленные президентским указом дополнительные годы, так что буквально на следующей неделе будет подписан неизбежный приказ об увольнении. Генеральских погон ему, конечно же, не видать, ибо чиновники арбатского министерства люто не любят офицеров, имеющих опыт реальных боевых действий, а потому всячески препятствуют их продвижению по служебной лесенке. Остается лишь утешаться армейской мудростью: дескать, полковник – это звание, а генерал – диагноз.

Повоевать же выпало ему с избытком. Мадригайлов и сам не всегда мог точно перечислить все страны и войны, разве что континенты называл, не задумываясь. Голаны, Синай, Ангола, Афганистан, Эфиопия, Югославия... также побывал во всех горячих точках предательски умерщвленной Империи – как в горах, так и в глухих провинциях у моря. И под занавес бурной биографии был сослан командовать никому не нужным доисторическим хламом.

Офицер охраны, козырнув, открыл ворота, и «козлик» въехал на территорию части, когда-то чрезвычайно секретной, выполнявшей важнейшую функцию в оборонительной системе сверхдержавы. Теперь же всеми забытый «Объект-43», он же ЗКВЦСУ – запасный командно-вычислительный центр стратегического управления – «Дубрава», существовал только потому, что на самом верху хватало других дел кроме ликвидации воинской части на полпути между Брянском и Смоленском. Когда-то здесь был глубокий тыл, а теперь – почти граница. Хорошо хоть, не с НАТО, а с дружественной Белоруссией.

Мадригайлов отправил водителя в гараж, а сам прошел через парк. В этом парке не было дорожек и аллей, но стояли массивные боксы-бункеры – противоатомные укрытия тяжелых танков. Здесь встали на долговременное хранение машины, предназначенные для действий в эпицентрах ядерных ударов. Древняя мощь Империи постепенно дряхлела и поддавалась коррозии. Скоро «Дубраву» закроют и наверняка построят на освободившихся площадях развлекательный комплекс: казино, сауны, бордели...

В мерзком настроении полковник спустился на лифте в глубокое подземелье, где под метрами бетона и стали находился оперативный зал. Здесь тоже царила старинная техника. Несколько соседних комнат занимала дюжина доисторическая ламповых ЭВМ типа М-50, в том числе две машины скользящего резерва. Магнитные барабаны и ленты, перфоводы, примитивные цифropечатающие машинки, которые стыдно назвать «принтерами» – точно так же, как не поворачивается язык назвать «компьютерами» этих динозавров вычислительной техники.

Впрочем, новая техника в бункере тоже имелась – несколько персональных компьютеров позапрошлого поколения. Однопроцессорные устройства обеспечивали связь с внешним миром.

– Что происходит снаружи? – осведомился Мадригайлов, опускаясь в жесткое кресло.

Большой ракетно-ядерной перестрелкой, ради которой создавался «Объект-43», давно не пахло, боевых задач ЗКВЦСУ не имел, поэтому командир «Дубравы» приказал операторам отслеживать перемещения звездолетов инопланетян. Три офицера старательно наносили на прозрачную карту траектории приближавшихся кораблей. Полковник рассеянно вспомнил, что за операторами-рисовальщиками закрепилось в армии прозвище «обезьяны».

– Вышли на высокую орбиту, – доложил оперативный дежурный. – Параметры орбиты...

– Вижу параметры, – буркнул Мадригайлов, разглядывая нарисованные «обезьянами» линии на прозрачном щите. – Что-нибудь интересное случилось?

Дежурил подполковник Казаринцев, тоже немало повоевавший. Танкист от бога, он был вынужден уйти на штабную работу после тяжелого ранения в горной войне. Понимающе кивнув, подполковник произнес:

– Сигналов с приветствиями не передали. Час назад с обоих кораблей запущено по шесть малотоннажных объектов – вышли на разные орбиты в пределах двухсот-трехсот километров. Эксперты полагают, что спутники нужны для картографирования и ретрансляции, мое мнение – спутники-шпионы.

– Это почти одно и то же.

– Согласен... Центр компьютерной войны заметил странное соединение, сейчас ждем подтверждения от АНБ. Вроде бы, проходя над Европой, один из этих малых спутников подключился к базам данных и скачал архивы Хельсинкского института стратегического баланса и разоружения.

Подумав, Мадригайлов раздраженно бросил:

– Короче говоря, теперь у них есть точные координаты всех военных объектов на всей планете.

– Кроме нашего центра, – посмеиваясь, подтвердил Казаринцев. – Нас давно из всех баз вычеркнули по причине профнепригодности.

– Указаний, конечно, не поступало?

– Никак нет. Точнее, нам не поступало. Остальным командным центрам воздушно-космических сил приказано повысить степень боеготовности... – Подполковник понизил голос: – Шеф, беспокоило что-то. Если они с добрыми намерениями прилетели, то почему молчат?

– Сам про то же думаю который день, – буркнул полковник и решительно добавил: – Объявляем учебную тревогу.

Развернув кресло к пульту, он стал щелкать тумблерами, двигать рычажки и нажимать кнопки. На большом, составленном из двадцати телевизорных кинескопов экране перед Мадригайловым светилась карта сгинувшей сверхдержавы, включавшая бывших союзников и ныне суверенные республики. Хотя «Дубрава» перестала быть действующим пунктом управления, информация по-прежнему стекалась в информационно-вычислительный центр «Объекта-43». Полковник видел на карте условные значки, обозначающие гарнизоны, ракетные установки, узлы связи, корабли и ракетные подлодки в море, даже предприятия военной промышленности. Только подчинялись ему далеко не все стратегические средства обороны и нападения. После сложных манипуляций лишь несколько значков на пульте сменили цвет с желтого на зеленый.

Начали поступать рапорты с объектов о переводе в режим повышенной готовности. Ракеты, локаторы и другие машины пенсионного, как и сам Мадригайлов, возраста медленно просыпались, где-то в гарнизонах гудели сирены, личный состав лениво расползался по местам боевого расписания.

– Скрипим, но шевелимся, – не без удивления констатировал Казаринцев. – Хорошо хоть, боеголовки подвешивать и ракеты заправлять уже не надо. Старик, что до меня тут служил, рассказывал, как во время Карибского кризиса суетились.

– Помню, – грустно сообщил Мадригайлов. – Он и мне рассказывал.

– Ну да... А как съездили? Как эти танки?

– Хорошо танки, – полковник заулыбался. – Ностальгично. Танки – это всегда хорошо. Жаль только, для такой поганой цели построены.

Заказ на колонну старой бронетехники поддержал в трудный момент несколько отечественных заводов. Для съемок очередного русофобского фильма кинематографистам Польши понадобились натуральные танки и бронемашины, стоявшие на вооружении вермахта и Красной Армии накануне 2-й Мировой войны.

В предшествующие годы польские режиссеры Вайда и Гофман изрядно выкупали в грязи восточных соседей, сняв блокбастеры «Катынь» и «Варшавская битва». Теперь пришла очередь грандиозной киноленты «Нашествие варваров», описывающей польскую версию превращения Речи Посполитой в генерал-губернаторство. Мадригайлов не сомневался, что назревает очередное протитуированное повествование о героической борьбе благородных шляхтичей против разнузданных насильников с дебильно-зверскими небритыми рожами, наряженных в лохмотья, отдаленно напоминающие красноармейское обмундирование.

На съемки новой агитки польский агитпроп наскреб по миру чуть ли не сотню миллионов евро. Для пущей достоверности часть этого бабла потратили на закупку в ФРГ и России действующих танков. И вот эшелон советских БТ и Т-26 уже движется к польской границе, а немецкие «тройки», «четверки» и «ханوماги» прибыли на съемочную площадку несколько дней назад.

– Хотите анекдот? – спросил вдруг Казаринцев и, не услышав отказа, продолжил: – Для эпизода десанта на Вестерплатте ляхи решили построить линкор. В уменьшенном масштабе, с пушками среднего калибра. Бюджет фильма вырос на треть, но зато польский флот получит отличный крейсер и сможет как взрослый участвовать в миротворческих операциях НАТО. Немцы заломили цену, поэтому заказ размещен у нас на питерской верфи. Зимой должен был вступить в строй.

Отмахнувшись, полковник достал CD-плеер, нахлобучил наушники и врубил диск «Нехолодная война».

Грянул час – мы вышли к Эльбе, авангарды к авангардам,
Враг повержен и распят во всех границах.
И заряжены к изданию перекроенные карты,

Где по новой человечеству делиться.

От совместного парада недолга осталась память,
Не пристало нам тянуть с союзным долгом!
И когда над Порт-Артуром развернулось наше знамя,
Поле боя нарекли «предметом торга».

Только мы никогда не сойдемся в цене
С их торгашеской сутью безродной
На холодной войне, холодной войне,
На холодной войне, холодной.

В пепел выжженные земли, кровью политые щедро —
От того созревший колос тяжелее.
Наше горе безутешно и невосполнима жертва,
Нас судьба в двадцатом веке не жалела.

Девчонка-сержант из роты связи подергала полковника за плечо, показывая на телефон, который звонил и дублировал звонок световым сигналом. Сбросив наушники и сняв трубку с аппарата, Мадригайлов услышал недовольный голос генерала, дежурившего в московском штабе:

– Ты чего творишь? С кем воевать собрался?

– Учебная тревога объявлена согласно плану боевой подготовки, – меланхолично доложил командир «Объекта-43». – Как только все задачи отработаем – сразу же дам отбой.

Генерал ответил немного спокойнее:

– Не переусердствуй. А то еще пальнешь антиквариатом... – из трубки послышался снисходительный начальственный смешок. – Будь спокоен, за небом сейчас настоящая техника приглядывает... И есть новости. Гости из космоса передали, что намерены обратиться ко всем правительствам через три с небольшим часа. В полдень по Гринвичу. Так что вот такие дела.

Бросив трубку на рычаги, полковник вернул на место наушники, снял с «паузы» плеер, и снова загремел клокочущий голос Игоря Сивака:

Полыхают континенты в главной битве исполинов,
Где ни глянь – кругом легла передовая.
И когда-нибудь бояны сложат песни и былины,
Нашу славу сквозь века передавая.

Наше прошлое священно, древних воинов заветы
На присяге повторим тысячекратно.
Пусть опять под алым стягом будут новые победы,
Мы – хозяева России и солдаты!

Потом он прокрутил еще много хороших песен, изредка делая перерывы, чтобы принять рапорты командиров частей и отдать распоряжения. В положенное время Мадригайлов поднялся в расположенную на поверхности столовую. Здесь работал телевизор – новый, с большим плоским экраном. Неприятный ведущий, сделавший себе имя на пропаганде сексуальных меньшинств, альтернативного искусства и на фальсификациях отечественной истории, сражался в прямом эфире с двумя писателями-фантастами.

Немного посмотрев шоу, полковник заинтересовался, достал из кармана мобильник и набрал номер студии, непрерывно моргавший в углу экрана. Как ни странно, ему ответили, и Мадригайлов задал вопрос:

– Скажите, уважаемые, по каким приметам определить, что враждебные пришельцы готовятся начать военные действия против нашей обороны?

Ответ писателей полковник и другие офицеры выслушали с огромным вниманием.

Немалую долю рейтинга тележурналист Мари-Борат Тельман-Галерный заработал своими нетрадиционными ориентациями. В частности, был он вегетарианец. Совсем как Гитлер, хвастался Тельман-Галерный в узком кругу. Журналист давно научился грамотно использовать и другие особенности своей физиологии, нокаутируя неудобных собеседников обвинениями в гомофобии.

На сей раз подобные приемы не срабатывали, поскольку приглашенные на передачу писатели-фантасты Максимов и Мамонтов не скрывали неприязни лично к Галерному и всем ему подобным. Максимов и вовсе нагло заявил: дескать, ваша серьга в ухе нарушает принятый Госдумой закон о запрете пропаганды гомосексуализма на телевидении.

Поскрипывая зубами, Мари-Борат постарался говорить не слишком злобно:

– Давайте не прибегать к демагогии. Или вы не желаете обсуждать основную тему?

– Желаем, – сказал Мамонтов. – Но вы пока не задали ни единого вопроса по теме, а рассуждаете про посторонние материи. Итак, поговорим об инопланетном вторжении.

– Да-да, именно об этом, – перебил его Тельман-Галерный. – Почему вы так уверены, что прилетели агрессоры, а не друзья? Вот и ваш американский коллега, писатель Джек Стерлинг из Хьюстона, штат Техас...

– Много он понимает... – проворчал Максимов.

– Пусть сначала писать научится, а потом называет себя писателем, – раздраженно добавил Мамонтов. – Подумаешь, звезда регионального масштаба!

– Ну, не надо, – неожиданно осадил коллегу Максимов. – Ты, парень, появился на свет почти на полтора десятилетия позже меня, поэтому не все понимаешь.

Ведущий мысленно застонал. Телевизионное начальство, посчитав тему остроактуальной, настояло на прямом эфире. Предполагалось, что два писателя, прославленные вздорным характером, быстро схлестнутся, став легкой добычей. Однако фантасты сражались как два имперских астродесантника – спина к спине и по бластеру в каждой клешне. Вдобавок сбивали темп, навязывая собственный сценарий.

– Господа, не отвлекайтесь, – взмолился Мари-Борат Тельман-Галерный. – Джек Стерлинг уверен, что к нам летят завоеватели. Как я понимаю, вы не согласны с литератором-паникером из Соединенных Штатов.

– Наоборот, согласны, – огорошил его Мамонтов. – Огромные корабли вызывают естественные подозрения, вдобавок демонстративное нежелание вступать в диалог – такое поведение нельзя считать доброжелательным.

Максимов подхватил:

– Напомню, что они скачали базу данных Хельсинкской конторы, так что теперь у них есть точные данные обо всех военных объектах. Следующим шагом неизбежно станет массированный удар по этим мишеням.

– Вы не боитесь выступать против прогресса? – взорвался телеведущий. – Не сомневаюсь, что против вас будут возбуждены уголовные дела по статье об экстремизме! Сначала такие, как вы, запугивали народ американской угрозой, теперь – космической. Элементарная порядочность требует от нас проявить гостеприимство и толерантность. А вы судите о других по себе, подозреваете в агрессивности, потому что сами злые и употребляете в пищу мясо.

Мамонтов насмешливо провозгласил:

– Ну не станем же мы судить о других по извращениям. Как я заметил, больше всех о своей порядочности, причем в особо высокопарных и туманных выражениях, говорят самые грязные и дешевые проститутки.

– Вы хорошо разбираетесь в повадках проституток? – Мари-Борат постарался добавить в голос побольше яду.

– В повадках пидарасов разбираюсь хуже, – признал Максимов. – Но быстро учусь. Благодаря вашей передаче.

– Что же касается космической агрессии, то не удивлюсь, если на Земле давно действует пятая колонна, – сообщил Мамонтов. – Внутренний враг исподволь готовил вторжение на идеологическом фронте.

Журналист всплеснул руками, как тургеневская барышня, и захихикал:

– Ой, не могу! Ну, это вообще!

Не слушая его заклинаний, писатели перечислили множество кинофильмов, снятых в последние годы на разных континентах. Всевозможные безделушки вроде «Пришельцы против индейцев», «Линкор, эсминцы и чужие», «Инопланетяне: вторжение в Голливуд», «Тьма над Москвой» – изображали интервенцию ужасных инопланетян, которую с легкостью отражали небольшие подразделения американской морской пехоты и кучка московских бомжей-алкоголиков. Тем самым, утверждали фантасты, авторы фильмов приучают обывателя к мысли, что не надо бояться космического врага, что в инопланетной агрессии нет ничего страшного...

Когда ассистент показал знаками, что в студию кто-то звонит, Тельман-Галерный даже обрадовался: у него появился шанс оборвать гнусные наветы парочки консерваторов-милитаристов. Звонивший представился неразборчиво, после чего поинтересовался:

– Скажите, уважаемые, по каким приметам определить, что враждебные пришельцы готовятся начать военные действия против нашей обороны?

– Хороший вопрос, – сказал Максимов. – Ну, мы уже говорили, что добрые гости постарались бы сообщить о своих целях, передали бы информацию о собственной цивилизации, о своих достижениях. Элементарно показали бы, на кого они похожи.

– По-моему, нашего уважаемого собеседника больше интересовало, как будет выглядеть непосредственная подготовка к удару из космоса, – предположил Мамонтов. – Ну, представим себе, что прилетели завоеватели... Наверняка они не станут предъявлять ультиматум и требовать, чтобы земляне быстренько демонтировали свои стратегические арсеналы.

– Почему? – недоуменно спросил Мари-Борат.

– Потому что вряд ли они – круглые идиоты, – пояснил Максимов, сочинивший массу историй о попаданцах, кардинально переписывающих прошлое Отечества. – Едва получив такой ультиматум, все великие державы немедленно запустят в пришельцев свои ракеты с большими боеголовками.

– Какое варварство! – Тельман-Галерный был искренне шокирован.

Создатель звездных империй Мамонтов, милитарист-патриот, занесенный в проскрипции распушенной, но действующей полулегально комиссии по десталинизации, подытожил:

– Следовательно, никаких ультиматумов не будет. Они просто совершат внезапное нападение на военные базы, данные по которым украли в архиве дурацкого Института стратегического баланса и разоружения. Вероятно, большие корабли выпустят множество боеголовок, которые обрушатся на главные военные объекты, а следом налетят десятки или сотни малых боевых машин, которые приблизятся к поверхности и примутся расстреливать уцелевшие после бомбардировки гарнизоны, ракетные позиции, арсеналы, командные центры, корабли в открытом море.

– Спутники посшибают, – вставил Максимов. – Чтобы лишить людей связи. Военные заводы разбомбят.

Перехватив инициативу, наглый противный старик изложил очередную порцию собственного мнения:

– Не сомневаюсь, что удар из космоса вызовет бурные события во взрывоопасных регионах, растянувшихся вдоль наших южных границ. Маленькие, но гордые правители тех банановых и нефтяных эмиратов всерьез уверовали в собственное право творить историю... по крайней мере, пока взрослые державы готовятся встретить звездных гостей.

Подворачивалась прекрасная возможность посадить в лужу парочку махровых врагов демократии – любой, казалось бы, ответ писателей позволял обвинить их в провоцировании вражды между соседними независимыми государствами. Обрадованный Тельман-Галерный, слащаво улыбаясь, осведомился:

– Кого вы считаете правым в назревающей войне на Кавказе? Или, выразимся иначе, победа какой стороны будет выгоднее для России?

– Там нет правых и виноватых, – мрачно изрек Максимов. – В этой войне есть преступные правители и ставшие жертвой народы. А для нас разницы нет: любой исход войны приведет к идиотским обвинениям против России.

Это безобразие следовало прекратить, однако до конца передачи оставалось чересчур много эфирного времени. К счастью, подоспела рекламная пауза, во время которой на мониторе перед ведущим засветилось долгожданное сообщение. Как только вернулись в эфир, Мари-Борат объявил торжественно:

– Ну, вот и рассеялись ваши нелепые домыслы. Главные информационные агентства передали, что братья по разуму прислали обращение. В полдень по Гринвичу они сделают объявление о своих намерениях. Несмотря на разницу во времени, все органы власти всех стран готовы выслушать наших космических друзей. В Нью-Йорке созвана Генеральная ассамблея ООН и Совет безопасности, президент США летит из Кэмп-Дэвида в Вашингтон на экстренное заседание Сената, депутаты, министры и президент этой страны будут ждать звездную весть в кремлевском Дворце Съездов...

– Короче говоря, все соберутся в одном месте, чтобы легче было прихлопнуть их одним выстрелом, – резюмировал Мамонтов.

– Довольно глупых измышлений! – осадил консервативных пророков Тельман-Галерный, лаская серьгу в ухе. – Вернемся к разговору о современном искусстве. Вот что писал нобелевский лауреат и великий русский поэт Иосиф Бродский: «Когда я читаю прозу, меня интересует не сюжет, не новеллистика, а просто литература, писание. Всегда следует разграничивать, с кем вы имеете дело – с автором романа или с писателем. В счастливых случаях имеет место совпадение. Но слишком часто роман становится целью писателя. В то время как целью писателя должно быть нечто иное: выражение мироощущения посредством языка. А вовсе не посредством сюжета». Надеюсь, вы не станете спорить с авторитетом Нобелевского комитета?

– Дурак он, прости господи, – апеллировал к мифическому творцу воинствующий атеист Максимов. – И поэт был дерьмовый, надо прямо сказать.

– Полная глупость, – поддержал коллегу технократ-агностик Мамонтов. – Роман и литература неразделимы, противопоставлять их может только невежда. Мироощущение передается всей гаммой инструментов, доступной писателю. Это и язык, и сюжет, и образы персонажей...

Максимов дополнил перечень, известный всем грамотным людям благодаря монументальному труду «Фантастика. Общий курс»:

– Идея, сверхидея, место и время действия...

Они бодались еще минут пять, после чего ведущий объявил, что время передачи подошло к концу. Выпроводив омерзительных писателей, он спустился в свой кабинет и долго сидел в мягком кресле, лениво переключая телевизор с программы на программу и косо поглядывая на расположенную напротив студийного комплекса Останкинскую телебашню. Мари-Борат Тельман-Галерный ждал сообщений о начале бомбардировки.

Глава 2

А с небосвода бесшумным дождем падали звезды

Весной полковник Кольцов стал командиром бригады в Абхазии. Места, конечно, курортные, только ситуация сложная, почти фронтовая. Провокации с грузинской стороны следовали непрерывно, к тому же не в Грузии заключалась главная опасность.

Совещание проходило непросто – внимание офицеров повелительно протягивал работавший в углу телевизор – Общественный канал вел передачу из Кремля, куда съезжались депутаты, министры, крупные коммерсанты, звезды шоу-бизнеса, руководство столичного региона, руководители силовых ведомств. Президент, по слухам, уже прилетел в Шереметьево, прервав поездку по республикам Поволжья, и скоро должен был прибыть в старинную крепость на берегу Москва-реки. В его отсутствие журналисты болтали глупости и брали интервью у всех подряд – от лидеров партий до случайных прохожих на улице. Часто делались вставки о такой же суматохе вокруг вашингтонского Капитолия и других центров власти разных стран.

– Товарищи офицеры, попрошу не отвлекаться, потом сто раз будут повторять по всем программам, – взмолился полковник.

Он надавил нужный сенсор пульта, сделав звук потише, после чего кивнул своему заместителю. Комнату наполнил зычный голос подполковника Бобровко:

– Мы не знаем, кто там в космосе шоу затеял, но здесь, на матушке-Земле, назревает свое цирковое представление. Похоже, что удар по Ирану становится неизбежной реальностью. Точно как раньше ввали про ядерное оружие Саддама, теперь страны НАТО устроили истерику про ядерные приготовления Тегерана. Нам, как вы понимаете, похрен, потому как Иран для нас совсем не брат, даже не двоюродный племянник. Но есть одно маленькое обстоятельство: через Иран мы снабжаем наши военные базы в Армении. Когда на персов упадут первые «томагавки», подвоз в Армению прекратится. По территории Азербайджана грузы возить нельзя – хаи с азерами в состоянии войны. Через Грузию тоже сообщение прервано. Разрешат ли нам турки доставлять личный состав и снаряжение через свои владения – тоже большой вопрос, они к армянам относятся не лучше, чем азербайджанцы. Существует также другая серьезная опасность. Есть сведения, что как только американо-израильские силы начнут долбить иранцев, Азербайджан под шумок возобновит войну с Арменией. В таком случае наша база в Гюмри будет вынуждена защищать Армению, согласно Договору о коллективной безопасности. Говоря по-простому, наши отрезанные от линий снабжения части ПВО и сухопутных войск примут участие в боевых действиях.

Офицеры негромко зашумели: дескать, задача понятна. При этом все взгляды машинально переместились на телевизор. Шел репортаж из ночного Нью-Йорка: несметная толпа бурлила на просторной улице или площади, обрамленной небоскребами. Повсюду полыхали транспаранты, призывающие встретить космических друзей. Промелькнула реклама бургера «двойной пришелец».

– В общем, если там начнется, то здесь аукнется, – подытожил комбриг. – Приказ уже получен, поэтому немедленно начинаем разработку боевых документов для решения новой задачи: в случае большой войны на Кавказе мы прорываемся через Грузию, берем под контроль железнодорожную магистраль и восстанавливаем снабжение российских войск, расквартированных в Армении.

Зазвонил телефон: с ближайшей пограничной заставы сообщили, что большой отряд перешел границу со стороны Грузии, там идет бой с применением гранатометов и крупнокалиберных пулеметов. Абхазские войска и российские пограничники просили поддержки,

поэтому Кольцов сформировал тактическую группу в составе танковой и мотострелковой рот и лично повел отряд к границе.

Боевое отделение танка напоминало гауптману Францу Рютмюллеру кабину космического корабля. Повсюду светились компьютерные дисплеи, сообщавшие экипажу полную картину тактической обстановки, другой монитор использовался для наведения орудия точно в цель. «Леопард-2А6» Рютмюллера был недавно модернизирован согласно концепции «Революция», то есть достиг пределов совершенства, намного превысив возможности американских «абрамсов». Компьютерный мозг танка синтезировал информацию в режиме «дополненной реальности», выдавая на экраны сведения, стекавшиеся в штаб бригады со спутников, самолетов-разведчиков, дронов-беспилотников, наземных радиолокаторов и постов наблюдения.

Танк мягко катился по сильно пересеченному сектору Магдебургского полигона. Гауптман видел на экранах все танки своей роты, укрепления условного противника, минные поля в пределах десятка миль. Словно играя на компьютерном симуляторе, Рютмюллер двигал «мышку», помечая мишени. Вот этот, например, значок – 2100 метров впереди – кто такой? Щелчок по иконке, и появляется изображение – русский танк Т-80. Опасный враг, может стрелять ракетой на четыре километра, но только на идеально ровной местности. А здесь, среди кочек и рытвин, ПТУР бесполезен. И вдобавок у русских слабоваты боевые части снарядов и ракет – усиленную угольчатыми накладками лобовую броню «леопарда» не прошибут.

Процессоры уже рисовали сектора обстрела и выдали точки, из которых танк Рютмюллера сможет поразить мишень. Эти сведения появились и на дисплее перед глазами механика-водителя. Прослуживший в танковых войсках бундесвера больше десятка лет фельдфебель Эрнст Вайс, не дожидаясь приказа, вывел машину в нужную точку, лазерный дальномер уточнил дистанцию, компьютер ввел поправки на температуру и влажность воздуха, равно как на скорость и направление ветра. Пушка была наведена с идеальной точностью, и выстрел без промаха поразил цель.

– Идем в сторону моста, – приказал командир роты. – Опорный пункт мотопехоты на северной опушке леса. Первый взвод, заходите справа.

Наводчик уже гонял курсор по меню своего дисплея, выбирая тип боеприпаса. Автомат заряжания послал в пушку осколочно-фугасный снаряд. Танковая рота продолжала двигаться по бывшему полигону вермахта и Советской армии, отрабатывая очередную учебную тему.

Большой противолодочный корабль «Маршал Малиновский» выполнял рутинную задачу – болтался по океану к востоку от Хонсю, преследуя ударное соединение США, возглавляемое авианосцем «Джордж Буш». Разумеется, древний корабль водоизмещением меньше пяти тысяч тонн действовал не один – в сорока кабельтовых от «Маршала» шел более современный, хотя тоже не в этом веке спущенный со стапеля эсминец «Боевой», а в глубине затаилась оснащенная ядерными торпедами подводная лодка типа «Гепард».

– Попалась курва! – доложили из рубки акустиков. – Типа «Вирджиния»!

Такой рапорт радовал. Наконец-то удалось найти под океанскими волнами подводную лодку пиндосов. В реальном сражении БПК уже мог бы открыть огонь из бомбометов, накрыв лодку реактивными снарядами. Только, хвала Создателю, никакой войны нет, а просто моряки гоняются друг за другом, чтобы набираться уму-разуму, научиться чему-то или, что примерно то же самое, избавиться от дури.

Стоявший вахту на мостике командир батареи зенитных ракет старший лейтенант Гречухин лениво скользнул взглядом по приборам. Вся техника работала нормально, в воздухе порхали два амеровских вертолета, с авианосца взлетал самолет дальнего радиолокационного обзора. «Хоть бы штурмовиков подняли, появилось бы хоть какое занятие», – размышлял Гречухин.

А ночь была прекрасная – безоблачная, безветренная. В сиянии полной луны вероятные противники были отлично видны даже без локаторов.

Неожиданно нахлынуло сентиментально-романтическое настроение, появилось неуместное желание вставить в ухо микрофон и включить музыку с айфона – у Розенбаума много хороших морских песен. Только на боевом дежурстве такое не допускается, поэтому Гречухин стал мысленно напевать «Корабль конвоя».

К сожалению, на втором куплете пришло неожиданное сообщение от локаторщиков:

– Крейсер меняет позицию!

Действительно, большой корабль, напичканный противоракетным и противокорабельным оружием, выдвинулся в сторону российского соединения. Одновременно с «Джорджа Буша» стали подниматься истребители F-18 и F-35.

Кроме них локаторы зафиксировали высотную – не меньше 30 км – цель. Ответчик «свой – чужой» своего не признал. «Раз не наш „МиГ-двадцать пятый“, стало быть, пиндосы прислали своего дальнего разведчика», – сделал вывод старший лейтенант Гречухин и спросил у стоявшего рядом командира БПК, брать ли цель на сопровождение. Ответное рычание капитана 2-го ранга означало безусловный приказ – брать.

В обычной жизни Карл был инженером, однако раз в год, как любой израильтянин, возвращался на сборы резервистов. От воинской службы освобождались только бездельники-ортодоксы, посвятившие жизнь зубрежке Торы. В благодарность за такое самоотверженное служение избранному народу государство даровало им всяческие привилегии вроде внеочередного предоставления жилья и прочих прелестей жизни за счет остальных налогоплательщиков.

Будучи добропорядочным гражданином, Карл Эстеркинд не роптал – от родителей он усвоил главную заповедь советского интеллигента: не болтай, у стен есть уши. Государство – хрупкая штука: выдерни камень из стены – рухнет вся постройка. Отец часто повторял: «Если бы меньше на кухнях анекдоты травили – жили бы сейчас как люди».

Так или иначе, привезенный в Израиль после шестого класса питерской школы Карл окончил университет, отслужил положенные годы и вот опять надел мундир офицера-танкиста. На его погонах красовались две полоски с изображением оливковой ветви – знак различия сегена, что соответствует американскому First Lieutenant. На русском языке, который Карл начинал уже забывать, это называлось, кажется, «старый лейтенант». Эмили, служившая в женском мотопехотном подразделении той же бригады, родилась в Яффо, но родители приехали из Молдавии, поэтому она тоже немного говорила по-русски. С недавних пор сеген-резервист Эстеркинд и проходившая действительную службу турай ришон (сокращенно – тарап), то есть ефрейтор Кройтор встречались, но вряд ли отношения продолжатся, когда Карл снимет мундир и вернется на гражданку.

Сегодня, в пятницу, они находились в законном увольнении, поэтому приехали в Эйлат, остановились в квартире Карла и занимались тем же, чем и в казарме, но не опасаясь неожиданного появления непрошенных наблюдателей и советчиков. После напряженного акта, который начался в кровати, а закончился на полу соседней комнаты, Эмили задумчиво курила возле открытого окна, рассматривая панораму сквозь жалюзи. Карл подошел сзади, обнял ее и сказал, показывая пальцем:

– Видишь порт? А тот большой танкер? Рядом – док, а сразу за ним – мой завод.

Рассеянно посмотрев на судоремонтное предприятие, она кивнула в другую сторону, прокомментировав: дескать, вон там уже Иордания, а сразу за горкой – военная база, которую их бригада должна разгромить в первый же день возможной войны. Потом произнесла ослабленно:

– Глупости это, иорданцы на нас не полезут.

– Не думай о войне, – посоветовал Карл. – Пока не наступил закат, можно прогуляться к морю. Тут есть отличный аттракцион – прогулка на подводной лодке.

– Пошли, – согласилась Эмили. – Жаль, вечер будет скучный.

– Конечно, сегодня работают не все заведения, – печально согласился Карл. – Но я знаю хороший ресторан, его владелец – христианин и не соблюдает запреты шаббада.

Одобрительно хохотнув, Эмили поцеловала его и побежала в душ. Карл рассеянно посмотрел в окно: над Иорданией буянила птичья стая. Такое вообще-то не редкость, именно в этих краях проходили главные пути миграции пернатых, но сейчас птицы вели себя странно, словно были чем-то перепуганы. Вероятнее всего, иорданские вояки объявили учебную тревогу. Серен пожал плечами, закрыл жалюзи и включил телевизор. Оставалось всего несколько минут до объявленного времени, когда пришельцы из космоса огласят свое послание к человечеству.

Вечером пятницы московские дороги, которые и в обычные-то дни далеки от цивилизованности, превращаются в натуральный адский кошмар. Поэтому, отправляясь в телецентр, Мамонтов предусмотрительно оставил машину на парковке в Теплом Стане, куда они с Максимовым умеренно комфортно добрались на метро. Примерно за час они сумели проехать по забитому автотранспортом Киевскому шоссе до комплекса Новой Москвы, где еще продолжалось строительство жилых домов и других полезных объектов. Здесь, на господствующей высоте, распластался многофункциональный культурно-развлекательный центр.

Целью их путешествия был недавно открытый ресторан «Гарем падишаха», в котором подавали очень приличный набор блюд восточной кухни. Поднимаясь на веранду второго этажа, Максимов раздраженно проворчал:

– Мало мне было нервотрепки с этим придурком на телешоу, так еще трафик на дороге! По такому шоссе только на танке кататься!

Захохотав, коллега закивал и произнес жизнерадостно:

– Я сам о том же подумал! Между прочим, танки совсем рядом. Посмотри вон туда – это Алабино, где стояла Таманская дивизия, переформированная в бригаду, но потом снова ставшая дивизией. А чуть дальше – Наро-Фоминск.

– Кантемировская танковая дивизия, – с чувством произнес Максимов. – Я там служил командиром взвода. Кстати, там сейчас штаб танковой армии.

Официант в шелковой рубашке условно-кавказского покроя, шароварах и легкой папахе принял у них заказ. На столе молниеносно появились бутылка ледяной водки, жбан кваса, закуски, горячий хлеб. Писатели мрачно выпили за гибель врагов Отечества, потом – за то, чтобы не сбылись их опасения насчет агрессивности пришельцев.

Заворачивая в лепешку ломтик острого копченого мяса, Мамонтов подумал вслух:

– Не зря ли мы согласились пойти на эту передачу? Ведь как со стенкой разговаривали.

– Задача не в том, чтобы журналиста-предателя переубедить, – назидательно проговорил старый желчный Максимов. – От нас требовалось донести хоть немного смысла до зрителей. Особенно – для близких к власти. Глядишь, кто-нибудь и поймет.

– Для этого мы книги пишем.

– Не замыкайся в узкой специализации. Как сказал бы классик, в условиях тотальной безграмотности населения важнейшим из искусств является для нас телевидение.

Писатели грустно посмеялись, потом вспомнили, что через полчаса начнется большое космическое шоу. Метрдотель по первой же просьбе принес маленький – дюймов десять по диагонали – телевизор. Когда засветился экран, диктор программы новостей рассказывал, что два громадных корабля пришельцев медленно перемещаются над Землей на высоте около пятисот метров со скоростью пяти-шести километров в час... через мгновение он, не смущаясь, поправился: на высоте пятисот километров.

Уточнений про скорость не последовало, но писатели единодушно согласились, что на телевидении работают отпетые дебилы, забывшие школьный курс физики, а скорость звездолетов составляет, скорее всего, пять километров не в час, а в секунду. Звездолеты медленно ползли по экрану, огибая планету.

Официант принес большое блюдо шашлыка, сменил тарелки. Положив себе несколько кусков – баранина-мякоть, свинина, почки, курдюк, осетрина и люля-кебаб, Мамонтов нервно сказал:

– Ну, ты только глянь, что творится! Они же занимают позицию для удара!

– Похоже на то, – сокрушенно согласился Максимов. – Неужели все-таки будет война?

– Лично для меня самое страшное, что ничего не могу поделать, – отчаянно признался более молодой коллега. – От нас ничего не зависит!

– Может, армия какие-то меры предпринимает? – Безнадежно посмотрев на телеэкран, где бурлил переполненный зал, старый писатель вздохнул: – Сомнительно, конечно, чтобы военным дали такой приказ.

В самом отвратительном расположении духа, почти не чувствуя вкуса деликатесов, они употребили горячее, допили водку и принялись за фрукты. От унылого глядения на экран коллег отвлекла только забавная сценка.

На веранду вышел упакованный в джинсу молодой человек ярко выраженной закавказской национальности, с модным рюкзаком за спиной. Парнишка спросил у работника заведения, не служит ли у них поваром Джамиль Агаев из Баку. Темноволосый дядька средних лет, одетый в униформу «Гарема падишаха», строго произнес:

– Сынок, я же вижу, что ты армянин. Забудь свои разборки с азербайджанцами, ваша война осталась на Кавказе. Здесь мы все стараемся жить дружно. Только студенты, которым на родине мозги промыли, устраивают драки.

– Уважаемый, вы неправильно поняли, – вскричал джинсовый парень. – Никаких разборок, никакой драки! Мамой клянусь.

– Ну смотри, – угрожающе предупредил ресторанный служитель.

Вскоре появился хмурый пацан – тоже черноглазый брюнет с черными усами. Его покрытая пятнами роба распространяла сочный аромат дыма и жареного мяса. Парень хмуро посмотрел на гостя, который спросил бакинца, как звали его бабушку. Генеалогическое расследование оказалось молниеносным. При активном содействии мрачных мужиков в униформе заведения, пацаны выяснили, что бабушка парнишки-азербайджанца доводится двоюродной сестрой дедушке парнишки-армянина, то есть сами они – тоже близкая родня, а точнее – четвероюродные братья.

– Понял! – вскричал Джамиль. – Ты из семьи Спитакаян.

– Точнее Спитакаянц. Я – Апетнак Спитакаянц.

– Ай, правильно, да! Папа говорил, что в молодости дружил с твоим отцом, который женат на его троюродной сестре.

– Мой отец и дядя тоже помнят твоего папу.

Парни обнялись, подтянувшийся хозяин ресторана тоже порадовался, приказал накрыть для братьев стол. Два кузена выпили, покушали, стали выяснять, кто чем занимается. Оказалось, что оба учились в политехнических институтах, сильно поругали преподавателей-взяточников и коррупцию вообще. Потом стали громко вспоминать военную службу, так что сидевшие за соседним столом писатели поневоле узнали всю их подноготную.

Получив дипломы, кузены были призваны – каждый в свою армию. Затем они выяснили к обоюдному ужасу, что почти полгода служили на одном участке фронта и почти наверняка разглядывали друг друга через танковые прицелы. Старший сержант Спитакаянц был командиром Т-55, а сержант Агаев – наводчиком Т-64БВ. Завязался спор, какой танк победил бы, начнись война после «того самого инцидента», но спортивный диспут прервал Джамиль, ска-

завший, что теперь их часть, если верить Интернету, получила самые сильные в мире турецкие танки «Алтай».

Тут уж не выдержали ветераны-танкисты Мамонтов и Максимов. Младший из писателей, вежливо извинившись, объяснил кавказским кузенам, что «Алтай» – дешевый азиатский ширпотреб, и что турки просто наладили у себя выпуск дерьмовой южнокорейской машины.

– Правда? – удивился Джамиль.

– Он всегда говорит правду, – подтвердил Максимов. – Из принципа никогда не врет. А вы, как я смотрю, воевать друг с другом не хотите.

– Кому нужна война?! – буркнул Апетнак. – Только горе простым людям. Когда бабушка узнала, что Джамиль в Москве устроился, весь мой семья сказал: тоже поезжай. Лучше поваром в России работать, чем инженером у нас.

– Он точно говорит, – подтвердил Джамиль. – Богачи своих детей откупят, а нас будут послать на фронт, братьев убивать.

Писатели выпили с мальчишками за мир и дружбу, вернулись к своему столику и недоуменно уставились на малогабаритный телевизор. Надежный японский аппарат почему-то показывал одни лишь помехи. Мамонтов раздраженно завертел головой, крикнул:

– Официант, посмотри, что с телевизором. Сейчас главная передача должна начаться... – Потом его взгляд случайно нацелился на панораму Новой Москвы, и писатель ошеломленно прошептал: – Что за хрень?

Посмотрев в ту же сторону, Максимов обомлел и схватился за сердце. Над деревней Алабино поднимался высоченный столб дыма, у основания которого проблескивали огромные – выше трехэтажных домов – языки пламени. Похожий столб дыма встал вдали над Наро-Фоминском.

На другой стороне веранды, смотревшей на Москву, раздались вопли ужаса, и писатели поспешили туда. Первым делом они увидели, как медленно рушится, разваливаясь на куски, Останкинская башня. Затем помутненное сознание смогло принять картину дымного облака, взметнувшегося в районе центра столицы.

На экране локаторов стало тесно – слишком уж много целей наполняло воздушное пространство. Американцы подняли в небо летающий радар и эскадрилью «Суперхорнетов». Другая цель – групповая – приближалась от зюйд-оста на четырех звуковых скоростях, быстро снизившись до двух десятков километров. Оценив обстановку на мониторах, Гречухин доложил командиру корабля:

– Вижу высотные быстроходные мишени. Кажись, амеры испытывают гиперзвуковые самолеты.

Кавторанг буркнул, что доложит командиру соединения. На «Боевом» сидела группа военной разведки, фотографировать новую американскую технику – их кровное дело.

Гиперзвуковики стремительно шли на сближение. В центре строя мчалась большая машина – вероятно, бомбардировщик. От центральной мишени рассредоточивались по фронту и высоте объекты поменьше – судя по данным радара, это были легкие аппараты. Подобную радиолокационную отметку мог бы дать малый вертолет, но вертолету не развить столь бешеную скорость. «„Стелсы“, – решил Гречухин. – Они на самом деле большие, тонн под тридцать, но сигнал отражают слабо».

Между тем сверхскоростные сверхвысотники приблизились на двести морских миль, и «Суперхорнеты» неожиданно рванули навстречу, имитируя боевую атаку. Старший лейтенант презрительно поморщился – слабоваты были F-18 против самолетов, имеющих потолок выше двадцати километров. Наши МиГ-31 могли бы попытаться, «Рэптор» амеровский тоже мог бы, но это старье напрасно рыпается...

На пульте системы громкоговорящей связи «Каштан» засветился сигнал вызова. Нажав кнопку селектора, Гречухин услышал голос прямого своего начальника – командира 2-й (ракетно-артиллерийской) боевой части:

- Не нравятся мне такие маневры. Какие будут указания?
- Учебная тревога! – рявкнул командир. – Приготовься вести огонь боевыми!
- Слушаюсь! – машинально ответил командир БЧ-2. – По кому стрелять будем?
- Увидим!

Две зенитные ракеты встали на направляющие. Старший лейтенант не мог понять, что происходит, и нашел разумное объяснение: международные отношения опять обострились, поэтому Москва решила показать клыки. До реальной перестрелки дело, конечно, не дойдет, но нервы друг дружке потрепем.

Меланхолический поток его мыслей прервал неожиданный небесный феномен. Тут уже не Розенбаум, а Высоцкий стал актуальным. В памяти спонтанно складывались рифмы:

Мне этот бой не забыть нипочем, —
Смертью пропитан воздух.
А с небосклона бесшумным дождем
Падали звезды.

Вот снова упала, и я загадал —
Выйти живым из боя!
Так свою жизнь я поспешно связал
С глупой звездой.

Я уж решил – миновала беда,
И удалось отвертеться...
Но с неба свалилась шальная звезда...

Иллюминаторы мостика позволяли разглядеть панораму во всех подробностях. Далеко на западе словно звезды с темного небосклона сорвались. Два... нет, три снопа светящихся нитей тянулись сверху вниз, как бутоны фейерверков. Стоявший рядом рулевой из недоучившихся студентов громко произнес:

- Метеоритный дождь, товарищи офицеры. Красивейшее зрелище!
- Гречухин тоже любовался целую секунду, после чего вдруг сообразил и заорал:
- Это ракетная атака! Боеголовки падают на Японию!
- Похоже, что так... – Казалось, командир корабля растерялся, но молниеносно взял себя в руки: – Боевая тревога!

Во всех отсеках врубился непрерывный звонок. Гречухин скороговоркой докладывал командиру обстановку по целям, лихорадочно соображая, кто бы мог запустить ракеты. Точно, что не Россия – в таком случае командование заранее бы привело в боевую готовность их соединение. Значит, китайцы: решили под шумок, пока мир встречает братьев по разуму, расквитаться с давним врагом.

Локаторы подтверждали, что творится самое страшное.

Расстояние между «Суперхорнетами» и гиперзвуковой эскадрилей сократилось до сотни миль, с палубы «Джорджа Буша» взлетали следующие звенья истребителей-бомбардировщиков, а в строю первой волны американских самолетов появились прорехи. Словно гиперзвуковые открыли огонь с огромной дистанции. «Кто мог напасть на пиндосов?! – ошеломленный Гречухин терялся в догадках. – Этот отряд пришел откуда-то со стороны Австралии, у китайцев ничего подобного нет, да и наши на такое не способны...»

Оторвав взгляд от экранов, он посмотрел через бронированное стекло рубки. Корабли охранения авианосца – крейсер и фрегаты УРО – непрерывно запускали зенитные ракеты. Трассы устремились в сторону гиперзвуковой воздушной цели. Затем прямо по курсу, чуть левее авианосца, взметнулся громадный, как при подводном ядерном взрыве, султан воды и пара, сквозь который сверкали молнии.

Командир БПК потребовал доклада по целям. Из динамика ответил командир боевого информационного поста:

– Все американские самолеты сбиты, ракеты «корабль – воздух» среднего радиуса до целей не долетают, слишком большая высота. Две противоракетные сработали в районе целей, один объект падает. Остальные ракеты взрываются на большом расстоянии – вероятно, противник сбивает их! Ого! Они пикируют на «Буша».

Малые «стелсы» резко снижались, описывая круги над соединением американского флота. Корабли продолжали выпускать ракеты и палить из автоматических пушек, но фрегаты загорались один за другим, поражаемые неведомым и невидимым оружием. Самая большая воздушная цель притормозила до половины звука, прошла над авианосцем, а затем, набирая скорость и высоту, направилась к «Боевому».

Из палубы «Джорджа Буша» вырвался столб огня выше самых высоких антенн. Вторая такая же струя пламени ударила в районе кормы. Корпус исполинского корабля разломился на несколько частей, в отсеках одного из обломков загорелся керосин, или чем там они свои самолеты заправляют. Спустя полминуты высотная цель резко развернулась на расстоянии десяти миль от российских кораблей, взяв курс на восток-юго-восток. А в пяти милях от БПК «Маршал Малиновский» океан взгорбился новой водяной горой.

– Они потопили «гепарда»! – вскрикнул командир. – Огонь по атакующим!

Большая цель и большинство малых уходили на сверхзвуке в сторону Японии, только три малых гиперзвуковика неслись прямо на БПК и эсминец. «Малиновский» и «Боевой» запустили зенитные ракеты, открыли огонь спаренные универсальные артиллерийские системы. Одна воздушная цель была сбитая и, рассыпаясь на куски, рухнула в волны. Не успел Гречухин обрадоваться успеху, как корпус корабля был потрясен сокрушительным ударом. Палуба мостика вспучилась, воющий звук достиг оглушительной громкости, но моментально затих в районе кормы.

Все электрические устройства выключились, экраны погасли, пульт и светильники тоже. Из других отсеков доносились крики раненых. В иллюминаторе Гречухин увидел, как что-то стремительно промелькнуло мимо корабля по левому борту, раздался сильный шипящий звук. Старший помощник крикнул через переговорные трубы, что в корме пробоина. По отсекам расплзлось грязно-желтое облако мерзко пахнущего газа. Последовала запоздалая команда надеть противогазы.

Через полчаса электромеханическая часть сумела запустить генераторы, но заработало лишь освещение. После долгих стараний удалось оживить турбину. Все сложные электронные приборы не включались. Обследование корабля показало, что сверхзвуковой снаряд ударил в надстройку, нанес тяжелые повреждения мостику, пронзил несколько отсеков и вышел через обшивку в кормовой части чуть выше ватерлинии. Еще одна зона повреждений тянулась вдоль левого борта, словно пролетевший мимо БПК гиперзвуковой аппарат ударил разрушительным лучом, разрезав корпус на глубину нескольких метров. Среди экипажа были убитые и раненые.

Поскольку рация молчала, с эминцем перемигивались прожекторной морзянкой. «Боевой» тоже получил сильные разрушения, имелись потери, но корабль кое-как держался на плаву. С мостика было видно, как американский крейсер, зарывшись носом по самые клюзы, спускает спасательные средства. Обломки авианосца уже скрылись под волнами. Крейсер просигналил, что вся электроника вышла из строя, и просил помочь спасти утопающих.

Эсминец и БПК плохо слушались руля, из навигационных приборов работали только самые примитивные. До рассвета подбирали моряков с утонувших кораблей, потом взяли курс на Владивосток.

Что-то быстрое металось над курортным городом-портом, проливая с неба смерть и разрушения. Мощный взрыв уничтожил безвредную прогулочную субмарину, ударивший отвесно луч разрезал катер, патрулировавший акваторию. Густые клубы дыма поднимались за горами на севере – вероятно, горела армейская база нефтепродуктов.

– Эрика, на нас напали! – прошептал Эстеркинд.

Она уже вышла из ванной комнаты и стояла с озабоченным лицом, обернутая полотенцем, и сосредоточенно нажимала сенсоры сотового телефона.

– Нет сигнала, – сказала тараш Кройтор. – И телевизор умер... Кто напал? Сирия, «Хезболла»?

– Иорданию тоже обстреляли... Наверное, Иран запустил дальнобойные ракеты. Одна промахнулась и упала в Иордании.

– Нам надо вернуться в часть! – Эмили была кадровым солдатом и лучше, чем офицер-резервист, понимала простые армейские премудрости. – Одевайся.

Немного нервничая, Карл разыскал части своей униформы среди разбросанной по всей комнате одежды. Нервы постепенно успокаивались. В конце концов, израильтяне регулярно били мусульман, и в этот раз случится так же. Расплата за коварное нападение будет быстрой и жестокой.

Карл помог Эрике застегнуть лифчик, поцеловал в шею и натянул рубаху с погонами.

В углу комнаты стояли их стволы – израильские военные в увольнение ходят обязательно с оружием. Эрика взяла свою винтовку «Галил», а Карл – положенный танкистам короткоствольный, почти совсем без ствола, «мецуар» – обрезанную версию американской винтовки M16.

Перед уходом он поднял жалюзи, чтобы закрыть оконное стекло. Неприятный запах заставил его закашляться. Карл опустил раму, но успел заметить, как с горы на северо-западе, километрах в двадцати от Эйлата, протянулась в небо тонкая темно-красная ниточка. В небе что-то взорвалось, и клубок огня, разматывая дымный след, пошел на снижение, промчался над городом и упал где-то в арабских землях. Это было понятно: «Железный луч», лазерная пушка противоракетной обороны, о которой так много и таинственно писали в Интернете, газетах и журналах, сбила вражескую боеголовку.

Следующая сцена тоже была понятна, хоть и менее приятна. Вершину горы, на которой прятался лазер ПРО, накрыло море пламени, сменившееся густым дымом. Очередная боеголовка покончила с лучевой пушкой.

По городу метались перепуганные люди, транспорт не работал по случаю пятничного вечера. Власти, словно вымерли, не делали никаких заявлений. Тридцать километров до своей базы они прошли пешком по жаре, в пути к ним присоединились еще несколько солдат и офицеров. Поздно ночью девять измученных бойцов добрались до места дислокации бригады. Гарнизона не существовало – лишь воронки мощных взрывов, развалины казарм, догоравший склад боеприпасов и взорванные боксы бронетехники. Из трехсот оставшихся в части военных и гражданских уцелело не больше полусотни.

Рота возвращалась с полигона, и оставалось пройти километров двадцать, когда вдруг прервалась на полуслове радиосвязь со штабом дивизии. Спустя минуту компьютер показал, что остановился предпоследний танк колонны. Танк не отвечал на вызовы, поэтому Франц остановил всю колонну, высунулся из люка и громко поинтересовался, что происходит. Командир аварийного танка – тоже голосом – доложил:

– Герр гауптман, электроника отключилась.

Это была серьезная поломка: «леопард» – не «тигр», на котором истреблял англичан дедушка командира роты. Без электроники современный танк превращается в нагромождение мертвого металла и пластика.

Произнеся смачные проклятия, Рютмюллер приказал соседней машине взять на буксир остановившуюся машину. Танк взревел дизелем, попятился в сторону неподвижного собрата и тоже замер. Командир машины растерянно сообщил об отказе всех электронных приборов. Одновременно погасли мониторы в танке командира роты. Буквально через минуту-другую вырубались микросхемы во всех «леопардах».

Чихая и кашляя от распространившегося в воздухе мерзкого желтоватого дыма, Франц попытался связаться со штабом при помощи сотового телефона, но тот не подавал признаков жизни, как и остальная электроника.

Оставив батарею самоходных гаубиц и взвод мотострелков за высоткой, Кольцов атаковал нарушителей танками и пехотой на БТР. Противник в панике отступил, однако, как и предполагал полковник, провокация была хорошо продумана. С флангов ударили засевшие в зарослях гранатометчики, в небе закружили дроны, передававшие видеокартинку наводчикам артиллерии.

Вокруг стали рваться снаряды, батарея самоходов ответила, завязалась артиллерийская дуэль. Противник попытался атаковать из леса, но был отброшен плотным огнем. Внезапно в расположении подразделений начали падать уже не снаряды, но беспилотные воздушные разведчики противника. Вражеские пушки прекратили огонь, пехота снова попыталась пойти в атаку, но вновь откатилась, оставив десятки трупов. Танки и БТР-80 ударили по зарослям из всех стволов, там падали деревья и загорелся сухостой. Вторгшаяся банда прекратила стрелять и, скорее всего, убежала.

Все бы хорошо, но бронетехника Кольцова тоже начала барахлить. Конечно, машины были не самые новые, давно капитального ремонта требовали, но чтобы одновременно случились поломки в десяти танках и дюжине бронетранспортеров – подобные чудеса в армии кончаются большими неприятностями. Беспилотные разведчики тоже перестали передавать изображение, кто-то даже сказал, будто видел падающий невдалеке дрон.

Командиры машин и взводов только разводили руками, да и что возьмешь с лейтенантов первого года службы или сержантов, окончивших на двойки хрен знает сколько классов нынешней школы в глубинке... Понятно было только, что не работают рации, заглохли дизели, не светится ни один мало-мальски важный прибор, включая автоматы заряжания. Экипажи могли только вручную вращать башни, перезаряжать пушки вручную да отстреливаться из пулеметов и личного оружия.

Приказав занять оборону, Кольцов оставил Бобровку за старшего, сам же одолжил у пограничников уазик и помчался по горной дороге в бригаду за подмогой. На третьем километре его остановил растерянный командир самоходной батареи.

– Товарищ полковник, – запинаясь, доложил – капитан-артиллерист. – Чертовщина какая-то. У нас все приборы сдохли: рации, лазерные дальномеры, баллистические вычислители. И машины не заводятся – ни у нас, ни у мотострелков. И дым этот мерзкий откуда-то принесло. Неужели грузины газовое оружие применили?

– Так, погоди, не надо пороть панику... – полковник напряженно раздумывал. – Если отказали приборы управления и связи сразу в двух местах на расстоянии нескольких километров... это значит, что кто-то применил против нас какое-то серьезное оружие.

Разинув рот, артиллерист тяжело вздохнул и выкрикнул:

– Точно, товарищ полковник! Оружие электромагнитного импульса сверхвысокой частоты выводит из строя все электронные приборы. Наверное, пиндосы шлепнули по Ирану, а нас волна краем зацепила...

– Разберемся! – Объяснение было найдено, и теперь командир бригады понимал, как следует поступить. – Раздай своим орлам оружие, выставь посты, чтобы диверсанты внезапно не напали. Я через полчаса буду в бригаде, пришлю технарей, чтобы заменили вам испорченные приборы.

Капитан сказал, облегченно улыбаясь:

– Хотя бы моторы запустить, а там доковыляем своим ходом и в части спокойно заменим все испорченные блоки.

К гарнизону Кольцов подъехал уже через двадцать минут. Увидев свое хозяйство с последнего поворота горного серпантина, полковник ужаснулся, вдруг осознав, как сильно недооценил тяжесть ситуации.

База бригады – никаких сомнений – подверглась плотной бомбардировке. Постройки были разрушены и горели, каменная ограда части проломлена в нескольких местах, машинный парк выглядел вовсе невероятно – словно был перепахан гигантским плугом, и превратился в беспорядочную груду скальных обломков, грунта и разбитого металла. К счастью, почти не пострадали жилые дома комсостава, и можно было надеяться, что выживут хотя бы семьи офицеров.

Глава 3

Стоять против неба – великий удел

Полдень по Гринвичу – это 15:00 по Москве. Чем ближе стрелки часов придвигались к назначенному сроку, тем сильнее нервничал Мадригайлов. Естественная для военного старшей школы паранойя заставляла бояться самого худшего. Полковник чувствовал себя беспомощным, запертым в одиночную камеру, бессильным что-либо изменить. Еще немного времени – и посыпятся с неба бомбы, начиненные взрывчаткой пострашнее термояда, и ринутся сквозь грибовидные облака стремительные смертелеты с десанниками в неуязвимых бронекостюмах...

Аналогия получилась неточной: в его подчинении не было боевых подразделений, которые давно уже получали приказы от других командных центров. Однако в распоряжении Мадригайлова оставались многочисленные каналы связи – радиотелевизионной, телефонной, телеграфной. Радиостанции на территории ЗКВЦСУ «Дубрава» накапливались долгими десятилетиями, причем устаревшие не демонтировались, а ставились на консервацию.

Самый древний комплекс антенн, ламповых приемников и передатчиков «Фонтан» появился, когда «Объект-43» только создавался в качестве центра управления авиации дальнего действия. По слухам, антенны «Фонтана» дважды отдавали эскадрильям «туполевых» и «мясищевых» приказ Сталина бомбить базы НАТО в Европе и на Аляске. Впрочем, оба приказа были отменены. Во времена Карибского кризиса здесь построили глубокие бункеры, подключили к «Дубраве» линии передачи приказов на ракетные шахты и поставили новую радиостанцию «Барс», державшую связь на всю планету с использованием эффекта тропосферного прохождения сигналов. В конструкции «Барса» применялись радиолампы и первые транзисторы. Когда началась разрядка международной напряженности, а на межконтинентальных ракетах стали устанавливать разделяющиеся боевые части, система связи перешла на станцию «Земляника-Б», слепленную из миниатюрных электронных ламп и транзисторов. Наконец, перед самым крахом «империи зла» на «Дубраве» смонтировали работающую на полупроводниках и микросхемах «Зарницу», предназначенную для поддержания связи от самого верха до дивизий. После табуреточных реформ звеньев управления осталось всего три: бригада – армия – Генштаб.

Еще в незапамятные времена развитого тоталитаризма стало понятно: когда боеголовки начнут падать в большом количестве, основные и дублирующие центры стратегического командования могут быть уничтожены. Поэтому сеть ЭВМ на командных пунктах получила дополнительную программу: при гибели центров управления высокого ранга командные функции передаются на следующий по значимости узел. Впоследствии сменилось много разных ужасов: гласность, либеральный террор, демократия, по призыву безумных уродов армия спасала креативный класс от проклятой конституции, – в ту эпоху на «Объекте-43» поставили ультрасовременную – полностью на полупроводниковых микросхемах – радиостанцию «Метель». Кроме того, подземный оптоэлектронный кабель связывал «Дубраву» с линией военно-правительственной связи, созданной в рамках договора об ограничении стратегических сил.

Именно этим каналом воспользовался Мадригайлов около половины четвертого, чтобы переговорить с заокеанским коллегой. Над бункером американской базы вставало солнце, бригадный генерал, упившись за ночь кофию, выглядел не слишком свежим, однако подтвердил, что возможность агрессии не исключается, поэтому в войсках ПРО поддерживается должная готовность. Иными словами, противоракетные комплексы «Эгида» на крейсерах и фрегатах готовы запустить ракеты. Генерал признался, что больше всего смущает его дюжина спут-

ников-шпионов: в пресловутый гринвичский полдень орбиты всех двенадцати сойдутся над Восточным побережьем США.

– Ваш президент будет приветствовать дорогих гостей из Белого дома или из Капитолия? – спросил Мадригайлов через переводчика.

Американец помялся, но все-таки ответил:

– Президент летит на борту номер один. И командующие тоже не в Пентагоне.

Они попрощались, пожелав друг другу удачи.

– За океаном тоже понимают, что всякое может случиться, – прокомментировал Казаринцев.

В 14:48 руководители государства и ближние чиновники вошли в кремлевский зал заседаний, занимая места в президиуме, согласно ранжиру. Ни президента, ни премьера, ни министра обороны, ни начальника Генштаба среди них не наблюдалось. «Вот и молодец Верховный, – подумал Мадригайлов. – Всего-то год как избран, а понял, что в такой момент военная верхушка страны должна управлять армией из надежного бункера». Стиснув зубы, он объявил боевую тревогу. Затем нашел на диске «Дикую охоту» – любимую полную версию, не без труда найденную в Интернете. Из динамиков потекли напряженные голоса – диалог Йовин и Тэм:

– Выпусти меня, отвори двери.
Темным коридором из плена темницы
Выпусти меня – полуночного зверя,
Выпусти на волю души моей птицу!

– Я построил стены крепче, чем камень,
Слово мое будет крепче металла.
Спутана дорога безумными снами,
Белая метель следы разметала...

Дежурные вышестоящих центров управления в очередные разы выразили неудовольствие, но над «Объектом-43» были сирены, личный состав покидал наземные сооружения, растекаясь по бункерным отсекам, спецназ занимал посты на периметре и в коридорах, подразделения химзащиты готовились анализировать уровни химического, биологического и радиационного заражения.

Как положено в таких случаях, оба звездолета были внесены в реестр мишеней под условными названиями «Великан-1» и «Великан-2». Группы операторов вели мишени, нанося их координаты на карту.

– Дикая Охота по моему следу,
Их не остановят засовы и двери.
Выпусти меня хотя бы до рассвета,
Выпусти меня, полуночного зверя!

– Не проси, проклятый, не бейся о стену,
Не поддамся я на твои уговоры.
Если отпущу я тебя из плена,
Растерзает душу голодная свора.

Корабли продолжали двигаться на высоте 540–570 километров со скоростью чуть ниже орбитальной. Подобный тип маневрирования означал, что пришельцы не зависят от земного

притяжения, иначе бы звездолеты непрерывно снижались. Вероятно, «Великаны» были оснащены антигравитаторами – старый полковник видел такое слово в фантастических романах.

«Великан-2» прошел над Южной Америкой, пересек Тихий океан, развернулся над Индокитаем, а теперь мчался в северо-восточном направлении. Еще пять минут – и окажется над Канадой. «Великан-1» пролетел по диагонали Африку, приближаясь к Средиземному морю.

Больше всего в эти минуты Мадригайлову хотелось, чтобы опасения оказались порождением старческого маразма, чтобы пришельцы не замыслили враждебных действий. «Всего лишь изучают планету со средних высот, – убеждал он сам себя. – Мирные гости летят, а не кружится в небе Дикая Охота злобного Вотана!»

– Посмотри, за окнами небо плачет,
Ледяные звезды в ладонях стынут,
Одинокий всадник к восходу скачет,
Он поможет мне снова вспомнить имя!

Белая метель следы замечает,
Близится мой срок, время полнолуния,
Выпусти меня – душа умоляет!
Выпусти на волю хмельное безумье!

– Я открыл бы дверь, да заклятье крепко,
Разомкнул оковы, да ключ потерял.
Сам себя я запер в стальную клетку,
Сам в себе я запер дикого зверя...

Ожидание становилось невыносимым. Астрономы навели на звездолеты свои приборы, и в Интернете появились четкие фотографии огромных – в семь километров длиной и четыре в диаметре по среднему сечению – яйцеобразных корпусов, покрытых четкими рядами обтекаемых наростов.

На площадях и в парках больших городов бесновались многотысячные толпы, вопившие приветствия пришельцам и поднимавшие транспаранты с призывами снизойти и править человечеством по законам высшей справедливости.

Вьюга завывает зловещим смехом,
Лунный свет на скалах дождем искрится,
– Выпусти меня! – повторяет эхо, —
Дикая Охота по следу мчится!

Я – твое безумие, твое наважденье,
По равнине в ночь, задыхаясь от бега,
Дикая Охота по следу тенью,
Сердца стук рассыпался горстью снега...

На лице слезами снежинки тают,
Ледяной струною крик оборвался.
... Кто же я теперь – я и сам не знаю,
Кто же во мне умер и кто остался?...

В 14:54 случилось именно то, чего так сильно боялся запертый в клетке забытого бункера полковник Мадригайлов. Локаторы противоракетной обороны показали разделение заатмосферных мишеней. Как и предсказали по телевизору писатели-фантасты, от обоих звездолетов отделялись десятки целей меньшего размера.

Полузабытый за ненадобностью и вычеркнутый из всех перечней стратегических мишеней объект «Дубрава», превратившийся в музей архаичной машинерии, получал далеко не полную картину происходившего. Информацию на допотопные М-50 передавали только самая старая радарная станция ПРО «Печора» типа «Дарьял», а также РЛС дальнего обнаружения «Дон-2». Кроме них к «Дубраве» был подключен еще более древний «Алдан» в Сары-Шагане на озере Балхаш, но там что-то не ладилось, и бригады военных инженеров пытались перезапустить допотопные блоки радиоламп.

Из того немногого, что поступало на пультах, Мадригайлов и Казаринцев могли понять, что каждый «Великан» выпустил множество групповых мишеней. Типовая цель состояла из сравнительно большого аппарата и множества мелких. Эти группы стремительно – на скоростях порядка 4–6 км/сек – удалялись со снижением от корабля матки. Мадригайлов без калькулятора подсчитал в уме: пять минут на такой скорости – триста секунд – полторы-две тысячи километров. За несколько минут, максимум за четверть часа, эскадрильи космических агрессоров рассредоточатся над всей Европой, Северной Америкой, над главными военными державами Азии. Неохваченными оставались только Центральная Азия, южная половина Африки, солидный кусок Азии да Австралия с Индийским океаном, но там стратегических мишеней мало, с ними пришельцы разобраться смогут позже, в последнюю очередь.

На пульт перед полковником легла влажная, только что из кюветы с фиксатором, глянцева черная фотография, полученная с телескопа МГУ. На черном фоне звездного неба выделялась светлая конструкция – словно неоновую трубку намотали спиралью на невидимый конус.

– Спираль... – свирепо прошипел Мадригайлов. – Назовем ее «мишень Спирохета». Это те, которые покрупнее?

– Так точно. Которые помельче, не видны. Видимо, черного цвета.

Офицер доложил, что «Спирохеты», согласно данным радиолокации, характеризуются размерами порядка тридцать-сорок метров, а мелкие, которым еще названия не придумано, имеют размеры порядка десяти метров. У старого полковника были свои представления насчет ядерной войны, которые ветеран автоматически перенес на войну космическую.

– Малые, «Шершни» – это боеголовки, – провозгласил Мадригайлов. – «Спирохеты» – боевой космолет. Когда «Шершни» разбомбят нашу оборону, «Спирохеты» приземлятся и высадят десант.

– На бронетехнике, наверное, – предположил старый танкист подполковник Казаринцев. – Интересно, какие у них танки? Как бы не летающие.

– Доживем – увидим, – буркнул командир «Объекта-43».

Сорвав трубку экстренной связи, он попытался доложить руководству свои соображения, но ни министр, ни начальник Генштаба, ни даже оперативный дежурный главкомата не снизошли до разговора с пенсионером. Ответил ему лишь офицер с борта летающего командного пункта, второй час кружившего над Сибирью.

– Не сходи с ума, дед, – весело сказал молодой полковник. – Приказа сбивать не было, к тому же такие скоростные цели хрен чем достанешь. «Трехсотые» не потянут, разве что «четырехсотые» Московской зоны ПРО... Между прочим, две стаи твоих «Шершней» в мою сторону летят. Высота – сорок семь, скорость – дюжина «махов». Минут через десять здесь будут.

Засмеявшись, он дал отбой. Мадригайлов выругался: он видел, что в направлении Уральских гор мчатся над Центральной Россией не меньше пяти «Спирохет», сопровождаемых

двумя десятками «Шершней» каждая. И еще четыре эскадрильи движутся на Сибирь с тихоокеанского направления.

Стрелки настенного хронометра ползли от 14:58 к 14:59, когда гигантское яйцо «Великана-1» начало быстро сбавлять скорость и поменяло курс. Если до сих пор звездолет двигался над Ираном строго на север, то теперь повернул на северо-запад – к Европе.

С небольшим опозданием, не точно в полдень по Гринвичу, а в 15:02 московского времени, яйцеобразные звездолеты стали передавать сигналы на телевизионных частотах. На экранах формировалось какое-то мутное изображение, несколько глав государств радостно сообщили:

– Да-да, мы вас видим!

Пару минут пришельцы передавали последовательность чисел от единицы до двадцати девяти. Затем на экранах появился черно-белый чертеж, изображавший теорему Пифагора: квадраты, построенные на сторонах неравнобедренного прямоугольного треугольника. Телевизионный эфир взорвался научными комментариями: старшие братья по разуму намерены использовать для общения универсальный язык – математику.

Пифагоровы штаны продержались на кинескопах и жидких кристаллах не меньше минуты. Потом геометрические фигуры перемешались и соединились в черный квадрат на белом фоне. Новые комментаторы поведали потрясенной аудитории, что пришельцы – существа высочайшей культуры, тонко понимающие подлинное искусство.

К этому моменту «Великан-1» летел в турецком небе со скоростью в четверть орбитальной. Эскадрильи, первыми стартовавшие со звездолета, удалились от корабля-матки почти на три тысячи километров, достигнув рубежа Париж – Берлин – Москва – Омск – Астана – Равалпинди – Дели. Ударно-десантные, как считал Мадригайлов, эскадрильи, выпущенные «Великаном-2», заполнили ионосферу над Восточной Азией, приближались к Ханюю, Чите и Улан-Батору, а также мчались над Западным побережьем США. Сам «Великан-2» тоже изменил курс с северного на восточное и приближался к берегам Калифорнии.

Звездолеты по-прежнему, хоть и сбавили скорость, летели на высоте около 600 километров, вторым эшелоном – 60–80 км – шли «Спирохеты», а «Шершни» снизились до тридцати и продолжали приближаться к поверхности.

– Сейчас начнется, – простонал Казаринцев. – Исходная позиция занята, боеголовки развернуты – самое время наносить удар.

Мадригайлов беспомощно перекидывал заглушку, прикрывавшую кнопку запуска ракет. Нажимать кнопку не было смысла – ракеты подчинялись приказам совсем других, более современных командных центров, где служили молодые офицеры, не страдающие параноидальными предрассудками времен холодной войны.

Инопланетные спутники не зря тревожили американского генерала. Именно они начали атаку, внезапно спикировав на Восточное побережье Соединенных Штатов. Часть оснащенных «Эгидой» кораблей успела выпустить противоракеты ТНААД, сбившие два спутника. Остальные упали на Нью-Йорк, Вашингтон, Филадельфию, Бостон, Чикаго, Монреаль, Оттаву. Одновременно, в 15:06 по московскому времени, операторы доложили Мадригайлову, что перестали поступать сигналы с нескольких военных аппаратов орбитальной группировки.

На пульте перед полковником один за другим угасали огоньки, словно прерывается связь с главными центрами управления Вооруженными силами: исчезли сигналы Кремля, Минобороны, Генштаба, Национального центра управления обороной, питерского Центра управления ВМФ, главного запасного КП в окрестностях Вологды, третьего по важности КП в Красноярском крае, Главного штаба ВМФ, обоих командно-вычислительных центров космических войск, трех летающих пунктов управления. Перестали подавать признаки жизни штабы военных округов, флотов и армий.

По линии гражданских и полицейских властей поступали сообщения о поражении неизвестным оружием гарнизонов по всей территории страны. В частности, серия сверхмощных взрывов буквально смела с лица земного базу возле города Буй, что в Костромской области. Как подсказал Казаринцев, на базе хранились тысячи танков, бронетранспортеров и другой техники резерва Западного военного округа.

Потом практически одновременно, с интервалом в несколько секунд, пришли сообщения о гибели президентского бункера к югу от Москвы, подземного правительственного комплекса под горой Ямантау в Башкирии, а также командного центра РВСН «Косьвинский камень», упрятанного под уральскими скалами в Свердловской области. Радиостанции воинских частей, расположенных поблизости от этих бункеров, передав печальные новости, тоже вскоре умолкли.

Один из офицеров, следивших за интернет-информацией, вскрикнул и выматерился. Ответить, что случилось, он не мог – только тыкал пальцем в монитор. Почувывший наихудшее Мадригайлов сам подошел к его кабинке и тоже оцепенел. Какой-то беззаботный блогер выставил фотографию огненного столба над Кремлем и приписал: «Люди, гляньте, какой кадр! Шас демотиватор слеплю!»

– Боеголовки начали падать, – резюмировал командир «Объекта-43». – Если остальные узлы выведены из строя – стало быть, командование автоматически переключается на нас.

Казаринцев подтвердил:

– Главный пульт разблокирован.

Энтузиазм вскоре развеялся. «Дубрава» могла передавать приказы на запуск ракет по пришельцам, но мало частей откликнулись на приказ. На пульте продолжали выключаться условные значки ракетных полков и РЛС. Изредка прорывались панические донесения: «Нас бомбят... гарнизон разрушен неизвестным оружием... радиостанция вышла из строя, работает только местная телефонная линия... база бригады уничтожена, как будто большим экскаватором...» Старпом круизного лайнера «Михаил Лермонтов» сказал по радио, заикаясь, что на глазах сотни пассажиров и членов команды громадный водяной смерч утопил американский авианосец «Рональд Рейган», а корабли эскорта взорвались, причем нападающих не было видно. Патрулировавший за Курилами самолет Ил-38 радировал, что гигантские столбы воды буквально переворачивают океанскую толщу, выбрасывая обломки подводных лодок.

В такой ситуации никто в бункере «Дубравы» не стал вслух радоваться сообщению о бомбардировке воинской части, стоявшей в Херсонской области чуть севернее Перекопа. Кто-то из офицеров легиона «Тохтамыш» плачущим голосом выдал в эфир новость об очередном преступлении колорадских ватников, применивших запрещенное оружие неизвестного типа. После нескольких воплей о падающих с неба огненных шарах голос умолк. Мадригайлов искренне надеялся, что рация уничтожена вместе со всей бандой карателей, готовивших вторжение в Крым.

Антенны также перехватили сообщения штабов НАТО, в зоне ответственности которых разразилась подобная же катастрофа. Дикторы израильского русскоязычного радио прокричали о нападении, о каком-то самолете, сбитом лазерной пушкой, после чего Тель-Авив замолчал. Радиостанции Тегерана, Дели, Пекина, Анкары, Лондона тоже прекратили вещание, передав панические вопли, содержавшие не много полезных сведений. «Голос Америки» и «Немецкая волна» не появлялись в эфире с первой минуты вторжения.

Не соблюдая субординации, в непонятной последовательности умолкли командные центры Северо-Атлантического блока в Измире, Таллине, Поджо-Ренатико, Варне, подземная крепость в бельгийском Монсе, штаб-квартира в Брюсселе, командование объединенными силами по Северной Европе возле голландского городка Брюссум и южно-европейское командование в Неаполе. Почти одновременно перестали подавать признаки жизни Стратегическое командование Вооружённых сил США в Оффуте, штат Небраска, Объединённый комитет началь-

ников штабов, штаб 6-го Флота, баварский бункер 4-го Объединенного тактического авиационного командования, а также Центр объединенного командования Народно-освободительной армии Китая.

Впрочем, заботиться о не слишком дружественных заморских коллегах не было времени.

Первая боеголовка упала на территорию «Дубравы» в 15:09, пробила бетон и закопалась в грунт на десяток метров, однако взрыва не случилось. Спустя три минуты в сотне метров от первой воронки появилась еще одна – опять-таки без взрыва. Команда радиохимической разведки доложила, что над местами попаданий расплываются облака желтоватого газа или дыма. Экспресс-анализ не выявил в желтой субстанции никаких ядовитых или биологически-активных веществ. На загадку не сразу обратили внимание, потому что всех беспокоила другая неприятность: перед самым ударом первого подарка пришельцев начали отключаться главные серверы Интернета, причем оборвались информационные потоки из разных стран.

Отныне ЗКВЦСУ получал информацию только по бронированным телефонным кабелям и с РЛС противоракетной обороны. По приказу Мадригайлова несколько ракетных дивизионов успели запустить до семидесяти ракет разных типов. Как и следовало ожидать, земное оружие слабо действовало на корабли высокоразвитой цивилизации: «Шершни» со «Спирохетами» то ли уклонялись от боеголовок, то ли сбивали ракеты, причем немедленно наносили ответный удар. «Объект-43» получил донесения о трех сбитых «Спирохетах» и доклады о гибели пяти полков ПВО. В 15:12 прекратила работать новейшая радиостанция «Метель», в следующие три минуты вырубилась «Зарница», «Земляника-Б» и «Барс». Интернет глючил все сильнее – целые блоки сайтов переставали откликаться на запросы. Иными словами, принимать и передавать сообщения могла только самая древняя станция «Фонтан».

– Что происходит?! Почему выключаются станции?! – орал в телефон Мадригайлов.

Начальник связи растерянно говорил в ответ, что повреждения где-то в недрах аппаратуры и что инженеры пытаются демонтировать главные блоки и добраться до аварийных узлов.

– Может быть, электромагнитный импульс? – неуверенно предположил полковник-ракетчик Баскаков, замкомандира «Дубравы» по технической части. – Похоже, что излучение разрушило полупроводники.

– Ядерных взрывов не было, – напомнил Казаринцев.

– Не обязательно взрывы, – отмахнувшись, возразил Баскаков, заставший последние взрывы под Семипалатинском. – Даже у нас есть импульсные генераторы, без ядерного взрыва глушат электронику. Пришельцы продвинулись дальше нас, у них оружие должно быть еще сильнее.

Краем уха и сознания фиксируя разговор обоих заместителей, Мадригайлов следил, как ползет по экрану стайка светлячков. Два из них вскоре погасли, но третий замигал возле «Спирохеты». Дежурный офицер доложил:

– Цель поражена близким взрывом.

Мадригайлов даже не слишком обрадовался успеху. Он впервые запустил противоракеты старого типа с мегатонными боеголовками – в НАТО их называли «Горгонами». Подобных боеприпасов после всех ограничительных договоров сохранилось немного, а после бомбардировки еще меньше сделалось. Аппаратура сообщала, что в стартовых шахтах остаются боеспособными всего четыре такие ракеты.

Очередное происшествие отвлекло старших офицеров от управления сражением. Загудели сигналы тревоги, загорелся плафон «Нарушена герметичность». Невооруженным взглядом было видно, как сквозь резиновое уплотнение бронированной двери в бункер просачиваются струйки желтого дыма. В воздухе усиливался неприятный запах, кто-то зашелся кашлем, несколько человек закричали:

– Газы!

Личный состав торопливо прятал головы под масками противогазов. Мадригайлов тоже натянул средство индивидуальной защиты, но вспомнил доклад химразведки и потребовал объяснений. Майор, командир подразделения, помявшись, отрапортовал:

– Товарищ полковник, точно сказать пока не могу, но кажется, что вещество для человека безвредно. Разрушает только полупроводники.

– Бактерии? – переспросил Мадригайлов.

– Под микроскопом не видно, тут нужна другая техника. Электронный микроскоп, может быть.

Баскаков сказал бессильно:

– Похоже, он прав, командир. Все компьютеры накрылись женским половым органом. Во всем бункере и наверняка тоже.

«Черт подери, что еще за дрянь они придумали на своей поганой звезде! – устало подумал полковник, однако логика показала положительную сторону мерзкой ситуации: – Хорошо хоть, у нас на объекте много старой техники, без транзисторов и микросхем!»

– Радиолампы эта желтая пакость явно не берет, – резюмировал командир «Дубравы». – Продолжаем работать... Казаринцев, что ты там рассматриваешь?

– Странное дело, – подполковник говорил не слишком уверенно, что было не характерно для ветерана множества конфликтов. – Когда сработала «Горгона», взрыв уничтожил «Спирохету» – ближайшую, на расстоянии трехсот метров. Но одновременно две соседние, летевшие в шестнадцать и двадцати двух километрах, тоже упали. Возможно, они поражены электромагнитным импульсом от взорвавшейся боеголовки. И «Шершней» всех смело в радиусе тридцати километров.

– М-да, «Шершни» все еще летают, – задумчиво согласился Мадригайлов. – Я, кажется, малость ошибся – не боеголовки это. Скорее уж гиперзвуковые штурмовики.

– Похоже, и «Спирохеты» не десантные машины, а носители тяжелого оружия, – согласился Казаринцев. – Я посмотрел рапорта. Много бестолковых сообщений, но складывается впечатление, что так называемые «огненные столбы» поднимаются в местах, над которыми барражируют «Спирохеты», тогда как «Шершни» сбрасывают контейнеры «желтого дыма» и стреляют очень мощными лазерами. На нескольких кораблях броню прорезало на два отсека в глубину.

Несколько минут они молча размышляли над открывшейся картиной вторжения. Действия и возможности врага становились чуть понятнее, хотя оставалось неясным, возможно ли отразить агрессию существ, обладающих столь могущественной техникой.

Между тем экраны показывали, что некоторые «Спирохеты» и практически все «Шершни» стремительно движутся в сторону корабля-матки. Это было понятно – растратили боекомплект и летят перезарядиться.

Офицеры вполголоса гадали, сидят ли в этих машинах живые пришельцы, или в бой отправлены роботы вроде земных дронов. Кто-то сообразил обратиться к писателям-фантастам вроде тех же Максимова и Мамонтова. Дозвониться не удалось – сотовые телефоны не работали. Наверняка «желтый дым» вывел из строя всю современную связь.

Каким-то чудом в «Дубраву» поступил звонок от коллег с такого же командного центра под Полтавой. Украинский генерал уныло поведал, что воздушно-космическая атака уничтожила чуть ли не все военные объекты, включая главные военные заводы, выпускавшие ракеты, танки, пушки, боеприпасы. Спohватившись, Казаринцев приказал выяснить обстановку на военных заводах России. Сами предприятия не отвечали, поэтому офицеры стали звонить областным и городским властям.

Воображение нарисовало Мадригайлову сценку: современные солдаты, одетые в кевларовую броню, вооруженные дальнобойными винтовками с оптическими прицелами и подствольными гранатометами, напали на деревню первобытных дикарей, сожгли хижины, поломали

хилые копья, луки и стрелы, разорили кузницу. Несколько охотников спрятались в джунглях, но не могут атаковать, потому что чуткие приборы предсказывают, откуда нападут дикари, а их слабые дротики не способны пробить броню. Итог неутешителен: «солдаты будущего» рано или поздно выловят затаившихся в зарослях варваров.

Он вдруг понял, что дикарь может уложить солдата, лишь оглоушив дубиной по каске. Дубиной, черт вас побери!

Дубина у Мадригайлова имела. Даже не одна, а целых шесть. Как поется в хорошей солдатской песне, ведь кое-что осталось нам от армии советской под землей уральской в шахте пусковой...

Эскадрильи космических агрессоров, разгромившие военную инфраструктуру Европы, стягивались к мишени «Великан-1». Звездолет медленно кружил над Балканами, снизившись до 400 км, и ждал аппараты, возвращавшиеся на дозаправку и перевооружение. Продолжали боевые действия только три «Спирохеты» со свитами из «Шершней» – эти ударные группы первыми отделились от звездолета, прошли всю Европу и теперь носились над Атлантикой, уничтожая военные корабли. Прощальные сигналы успели прислать российский авианосец «Кузнецов», два американских атомных типа «Нимиц», французский «Шарль де Голль», а также несколько крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Похожая ситуация складывалась и на Тихоокеанском театре военных действий: четыре эскадрильи агрессора продолжали выклевывать последние мишени, остальные же спешили к «Великану-2», который успел переместиться к югу и барражировал в районе Мексики.

– Удобнейшая позиция, диспозиция и дислокация, – свирепо резюмировал Мадригайлов, объяснив подчиненным замысел. – Сколько у нас времени?

– Примерно десять минут, – подсчитав на бумаге, сказал Баскаков. – Но лучше бы уложиться в пять или шесть.

Все понимали, что при таком раскладе им остается только сыграть ва-банк. Работали четко, как никогда не действовали даже на самых ответственных учениях. Программисты пахали, словно бурлаки на Волге, лишь изредка жалуясь: мол, машинная память на грани переполнения.

Сопровождение мишени «Великан-1» осуществляла «Печора», а РЛС ДРЛО «Дон-2» вела «Великана-2». В качестве стрельбового локатора задействовали «Алдан» на полигоне Сары-Шаган в далекой Средней Азии. Древние комплексы, вычеркнутые из всех списков военных объектов, а потому не замеченные врагами человечества, соединились в сеть, как на учениях «Зенит-1987». ЭВМ скользящего резерва взяли на себя функции сервера.

В шахтовых пусковых установках заканчивалась подготовка к запуску шести громадных ракет Р-36-бис УТТХ комплекса «Колыма-С». Запрещенные по договору ОСНВ-2 чудовища с моноблочными маневрирующими боеголовками в 115 мегатонн не были демонтированы, поскольку сам договор не прошел ратификацию, а потом оставались в шахтах для проверки химической стабильности жидкого топлива. Эти реликты холодной войны в армии ласково называли «царь-ракетами», поскольку считалось, что Р-36-бис УТТХ никогда не будут использованы по назначению, подобно Царь-пушке, Царь-колоколу и Царь-бомбе, она же «кузькина мать».

Не было времени на формальности, поэтому Мадригайлов просто приказал:

– Старт!

Где-то в перелесках Зауралья отъехали по рельсам массивные крышки, открыв две шахты. Одна за другой ракеты ушли в небо, подгоняемые хлещущим из дюз пламенем. По изделию на каждый звездолет и еще четыре туза в рукаве – последние козыри человечества.

Первые ступени упали в населенных районах, отравив гектары почвы токсичными компонентами топлива – сейчас такие мелочи никого не волновали. За минуту вторые ступени

разогнали суборбитальную ступень почти до первой космической скорости и тоже отстрелились, чтобы свалиться за пределами российских границ.

Мадригайлов, Баскаков и Казаринцев нервно следили, как боеголовки движутся к звездолетам. Операторы, они же «обезьяны», рисовали на стеклянной карте мира непрерывно удлинявшиеся трассы. Мадригайлова раздражало, что Казаринцев без конца дергает себя за ус, но полковник вдруг заметил, что и сам постукивает правым кулаком о собственную левую ладонь.

Истекали самые благоприятные минуты для удара ракетно-ядерной дубиной по вражьему загривку. Противник явно не сомневался, что уничтожил главные стратегические средства защитников планеты, поэтому должен был слегка ослабить бдительность. Кроме того, сейчас вокруг звездолетов собралось облако вернувшихся на перезарядку малых корабликов. Офицеры в бункере «Дубравы» надеялись, что в подобной суматохе сотни «Шершней» затруднят обзор локаторам «Великанов».

Вероятно, так и получилось. «Великан-1» вообще не заметил «Колыму», и боеголовка рванула в паре километров от корпуса. Огненный шар сжег множество малых мишеней и коснулся звездолета.

К этому моменту вторая боеголовка находилась в двухстах километрах от «Великана-2», то есть подлетное время составляло менее полминуты. На звездолете забеспокоились, окружающие большую мишень аппараты замечались, расчищая линию огня. С дистанции около ста километров противник открыл огонь лазерами, но зеркальная обшивка термоядерного блока отражала пучки фотонов. Тогда враг использовал какое-то другое оружие, от которого в двадцати километрах от цели сработал термоядерный заряд царь-ракеты. Облако плазмы, излучая нейтроны, гамма-кванты и СВЧ-волны, продолжало лететь по инерции, расплываясь в пространстве, но все-таки захлестнуло громадного пришельца из межзвездной бездны.

«Печора» показала, что «Спирохеты» и «Шершни» падают, но «Великаны» продолжали держать высоту, то есть антигравитаторы внутри кораблей все еще работали. Вдохнув, Мадригайлов приказал выпустить в каждый звездолет агрессоров еще по одной ракете.

Оба корабля были повреждены – если не ядерной плазмой огненного шара, то жестким излучением – и совершали необъяснимые маневры. «Великан-1» медленно снижался, двигаясь южным курсом. «Великан-2» судорожными рывками разгонялся в направлении на восток, неуверенно набирая высоту. Уклониться от боеголовок ни одна мишень даже не попыталась. Лишь за две-три минуты до срабатывания боевых частей от каждого звездолета отделились по три-четыре малых, размерами чуть больше «Спирохет», аппарата.

Потом тьму ближнего космоса дважды разорвала реакция термоядерного синтеза с последующим распадом ядер кобальтовых «рубашек». Прямых попаданий не было, но при такой мощности боеприпасов промах в километр-другой большого значения уже не имеет. Это как после селедки с молоком: даже клубнику мыть уже не обязательно, да и руки тоже.

«Великан-1» был настигнут маневрирующим суб-орбитальным блоком над Центральной Африкой. Взрывом звездолет разломило на несколько кусков, которые долго летели по инерции. Станция в Сары-Шагане сопровождала горящие обломки, потом потеряла из виду, но ЭВМ подсчитали, что инопланетная рухлядь должна грохнуться в Антарктиде. «Великан-2», напротив, двигался с небольшим неравномерным ускорением, удаляясь от планеты. Боевая часть «Колымы-С» догнала мишень на высоте почти семисот километров, огненный шар взрыва зацепил корму звездолета. Пораженный плазменным вихрем и радиацией «Великан-2» удалился от планеты еще почти на тысячу километров, после чего взорвался, как ядерная бомба гигатонной мощности.

Старшие офицеры молча смотрели на полковника, словно боялись спросить, что будет дальше. Старику же почему-то вспомнился девиз ракетчиков-стратегов: «После нас – тишина».

Космос был практически чист: большие мишени уничтожены, «Шершни» тоже, лишь несколько «Спирокет» болтались в атмосфере, теряя высоту. Шесть спасательных аппаратов, отделившихся от обреченных звездолетов, совершили планирующий спуск и приземлились в разных частях планеты: возле польского Вроцлава, в Аравии, Центральном Китае, в Южной Америке, где-то в штате Канзас и в Намибии. Седьмой, катапультировавшийся с «Великана-1», упал сравнительно близко от мадригайловского хозяйства – в районе Калуги.

– По машинам! – приказал полковник. – Со мной танкисты, спецназ и радиохимразведка.

В боксах машинного парка стояли на длительном хранении чудеса техники, считавшиеся давно расплавленными в доменных печах. Бронированный антиквариат предназначался для проникновения в эпицентры так и не случившейся войны с использованием ядерных аргументов. Если в «восточном» ряду противоатомных убежищ экипажи не смогли завести Т-80 и БТР-84, то из противоположной линии бункеров неторопливо выползли два Т-10, два ИС-3, четыре БТР-60ПБ и три БРДМ-2.

Марш организовали согласно статьям Устава: первыми вышла на трассу головная походная застава, выдвинувшая на дальность прямой видимости дозорную машину. За передовым охранением двинулись танки, а замыкали колонну бронетранспортеры спецназа.

Первый час маршрута по далеким от идеала дорогам средней полосы преодолели без особых приключений. Танки шли на средней скорости – километров 25–30 в час. В населенных пунктах вдоль шоссе обстановка тревоги не вызывала: крестьяне работали в поле, трактора и другая сельская техника прекрасно без электроники обходились. Деревенские трудяги забеспокоятся попозже, когда вернутся по домам и обнаружат, что телевизор не работает.

Лишь на тридцатом примерно километре участникам вылазки открылась печальная картина. На поле горел пассажирский авиалайнер. Вокруг суетились пожарные, подъехавшие на двух выращенных в красный цвет ЗИЛ-131.

Проследовав мимо места катастрофы, военные долго и не стесняясь в выражениях поносили пришельцев, ударивших лучом по мирной машине. Впрочем, вскоре Баскаков сообщил по радио, что самолеты – военные и гражданские – падали повсюду в больших количествах. Очевидно, «желтый дым» убил электронику, без которой реактивные красавцы безнадежно теряли управление.

Более серьезные проблемы начались на железнодорожном переезде, возле которого собралось десятка два потрепанных офицеров и солдат из уничтоженной саперной части. Выглядели они позорно – словно подрались, изодрав обмундирование в клочья, после чего вывалились в цементе или штукатурке. Пришлось сделать крюк, чтобы вернуть их в гарнизон, а заодно поглядеть на картину разрушений.

Картина впечатлила: неведомая сила – вероятно, «огненный столб» – опустошила территорию бригады, как будто злой ребенок построил игрушечный городок, а затем тщательно разбил молотком все домики, смешав обломки с песком большой совковой лопатой.

– Попробуйте найти людей под обломками, – приказал Мадригайлов капитану, старшему по званию среди выживших. – Организуйте палатки, накормите личный состав.

Он связался по радио с областным центром и потребовал направить строительную технику на все военные объекты, пострадавшие в получасовой космической войне. Телефонная трубка ответила дрожащим голосом:

– Полковник, может быть, вы возьмете на себя руководство? У нас ведь никакой власти нет. Губернатор, его свита и верхушка Заксобрания в Кремле были.

– Пусть начальник полиции наведет порядок! – прорычал Мадригайлов.

Двинув колонну дальше, он мрачно думал, что подобная растерянность воцарится сейчас по всей стране. Лидеры погибли, армия разгромлена, связь нарушена. В такой неразберихе неизбежно полезут на руководящие позиции всевозможные демагоги, бандиты и прочие про-

ходимцы. Требовались воля и сила, способные собрать страну в кулак – ведь война, возможно, еще не кончилась, и предстоят сражения с инопланетными десантниками.

Через пяток километровых столбов колонне встретилось разгромленное подразделение внутренних войск. Эти хотя бы при оружии были, но тоже на грани паники. Полковник строго велел возвращаться в гарнизон, спасать людей из-под обломков, не допустить утечки оружия и боеприпасов. Сработал инстинкт армейской выучки: получив приказ старшего командира, человек в мундире обретает цель и уверенность.

– Товарищ полковник, так впереди какая-то хрень с неба навернулась, – доложил лейтенант охранно-конвойного батальона. – В лесу, недалеко.

Хрень оказалась разбившимся вдребезги «Шершнем», испускавшим довольно сильную радиацию. Вокруг уже собрались местные жители с явным намерением разломать небесную машину для мелких собственных нужд. Предостережение насчет излучения не слишком напугало колхозников и фермеров, поэтому командир взвода радиохимической разведки равнодушно предупредил:

– Дело ваше, только любой, кто подойдет ближе сотни шагов – импотентом станет. – Офицер вернулся в БТР, сказав на прощание: – Детей не подпускайте. Поставьте вокруг колышки и повесьте предупредительные таблички.

Деревенские дружно шарахнулись прочь от окаянного места. Слишком уж быстро военные покинули лес – видать, и в самом деле опасно. Ограду крестьяне, конечно, не поставят, но хотя бы появилась надежда, что под радиацию не полезут.

Мадригайлову добавилось переживаний – где найти ученых, чтобы исследовать эти трофеи. Надо ведь изучить оставленную пришельцами технику, самим освоить «огненные столбы», построить антигравитаторы...

Его размышления были прерваны рапортом дозора. Доклад показался дикостью, но за последние часы Мадригайлов окончательно перестал удивляться даже самым идиотским известиям.

– Отходи, – приказал полковник. – Попытаются захватить машины – применяй оружие.

– На поражение? – уточнил старший лейтенант спецназа.

– Если потребуется.

Через четверть часа, выехав из леса, они увидели десантный аппарат инопланетных агрессоров. Приземление получилось жестким, машина врезалась в землю по касательной, переломав деревья и пропахав грунт на протяжении доброго километра. Корабль частично зарылся в негостеприимную планету, но видно было, что он длинный, широкий и плоский, как очень большая грелка или рыба-камбала. Рядом стояли два грузовика, легковушки, автобусы – не иначе, народ из ближних населенных пунктов подоспел поглазеть на небесных гостей. Толпа вокруг «Камбалы» состояла, безусловно, из землян, в том числе вооруженных автоматами полицейских. Некоторые гражданские тоже держали в руках охотничьи ружья. Кто-то выкрикивал через громкоговоритель туристического автобуса:

– Солдаты, наш долг – установить на варварской планете власть высшего разума. Отдайте нам оружие, присоединяйтесь к нам. Мы пойдем по миру, мы принесем человечеству правду, мы построим справедливый социум без вражды, без угнетения. Свобода личности – вот единственная ценность, ради которой следует сражаться под предводительством посланцев звездной мудрости, осчастлививших нас посещением...

Голос подполковника Казаринцева сказал из ларингофона:

– Предатели. Быстро же они продались.

– Слишком быстро, подозрительно как-то, – буркнул Мадригайлов. – Для начала раздолбаем корабль, а там видно будет.

По его приказу танки и БТР охватили «Камбалу» полумесяцем и пошли на сближение. С шестисот метров дали первый залп, продвинулись на сотню метров и снова выпустили сна-

ряды. Обезумевшая толпа пособников агрессора, нечленораздельно завывая, кинулась в атаку, беспорядочно стреляя из всех стволов. Пули бессильно отскакивали от брони. Кто-то бросился под гусеницы и был раздавлен, других срезали пулеметные очереди. Ренегаты, словно в психической атаке, продолжали бежать навстречу выстрелам – даже те, у кого не было оружия.

Танки все ближе подходили к аппарату пришельцев, снаряды пробивали обшивку и взрывались внутри, проделывая метровые бреши. Из пробоин в корпусе «Камбалы» вырывались языки пламени, несколько фигур в скафандрах с большими шлемами выбежали из люков и были убиты выпущенным почти в упор осколочно-фугасным снарядом. Бронебойные, кумулятивные и подкалиберные болванки продолжали втыкаться в корабль, исчезая в отсеках. Прогремел сильный, хоть и не атомный, внутренний взрыв, разворотивший борт корабля – в образовавшуюся пробоину мог бы проехать самосвал БелАЗ.

Больше всего Мадригайлов опасался, что снаряды поразят реактор и ядерная вспышка уничтожит все живое в радиусе километров. Однако грибовидное облако никак не появлялось, и танки продолжали всаживать в «Камбалу» снаряд за снарядом. Приблизительно после сотого выстрела, когда танки израсходовали больше половины боезапаса, радио сказало неприятным, непохожим на человеческий голосом:

– Перестаньте нас убивать. Прошу сохранить жизни оставшимся.

Полковник удивился, но велел выходить без оружия с поднятыми руками. Уже потом он подумал, что у пришельцев могло не оказаться рук, но с этим проблем не возникло. Скафандры существ, считавших себя высшими, были похожи на земные: два рукава, две штанины, одна голова под шлемом с прозрачным забралом. Только пропорции пришельцев отличались от человеческих, а морды – так и не описать приличными выражениями.

Впрочем, солдаты на войне прекрасно пользуются табуированной лексикой.

Глава 4

Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход

Примерно за два часа до всепланетного кошмара на запасные пути подогнали другой воинский эшелон, увозивший на учения сводный батальон из Ярославля. Плацкартные вагоны для солдат, купейный – для офицеров. На платформах стояли два десятка БТР-82 последних модификаций и три зачехленных танка – судя по силуэтам, не «Арматы», а Т-90 или Т-72. Личный состав высыпал на рельсы, с самой задней платформы скатили полевые кухни, повара принялись кашеварить.

Расположившееся в сотне шагов хозяйство майора Глебова гости заметили в первые же минуты, так что вскоре вокруг антикварных танков собрались все офицеры и часть сержантско-рядового состава. Офицеры откровенно ржали, тыча пальцами в старье, и обзывали танкистов «артистами». Потом командир сводного батальона подполковник Ольховский, продолжая посмеиваться, приказал своим подчиненным успокоиться и возвращаться к обязанностям и подразделениям.

Особых обязанностей на стоянке у офицеров явно не было, поэтому многие продолжали слоняться вокруг «артистического» состава. Особенно умиляли всех закрепленные на башнях портреты Сталина и Ворошилова. Последнего, впрочем, никто не узнавал, принимая за Ленина, Буденного или Блюхера. Кто-то рассказал к месту анекдот о том, как экипаж крейсера «Блюхер» надраивал только три последние буквы названия, в результате чего всенародное слово из трех букв ярко сверкало в лучах солнца. Все снова заржали, но Витяня Суwegeин испортил веселье, напомнив, что крейсер «Блюхер» состоял не в Красном флоте, но в кригсмарине, а в немецком языке это слово пишется несколько иначе.

Гости обиделись, опять принялись насмехаться над водителями древней рухляди, но постепенно разошлись, а Ольховский пригласил всех к общему столу – отведать борщ и макароны с тушенкой. Глебовцы не стали отказываться – третий день жили без горячего, но позвали подполковника к себе, потому как в их полупустом вагоне больше свободных мест.

В половине третьего, когда кухонный наряд разлил первое по тарелкам, сказали первый тост, потом быстро пролетели второй и третий. Через открытые двери купе Реутов слышал зычный голос Ольховского:

– Вы не сильно злитесь на моих орлов. Они ведь не со зла зубоскалили. Папанва, молодость в анусе свербит. И, конечно, завидуют немного. Вы будете в кино сниматься, а нас везут на литовскую границу. Большие учения намечаются, «Щит Евразии», слышали наверняка.

– Что-то говорили по ящику, – неуверенно припомнил лейтенант Гладков, командир Т-26.

Глебов поспешил объяснить:

– Мы последний месяц не слишком следили за событиями в мире. На полигоне жили, старинную технику осваивали, потом техобслуживание, ну и все такое... Не поверите – только позавчера узнали, что какие-то хмыри из космоса прилетели.

– Ну вы даете! – поразился подпол. – Об этом уже неделю по всем каналам орут... Между прочим, через десять минут президент будет разговаривать с инопланетниками.

За такое событие решено было выпить, и откупорили последние бутылки. Тут как раз принесли второе, и Ольховский велел солдату наряда привести сюда майора Тимохина с его портативным телевизором. Майору налили штрафную, он включил телевизор, офицеры из коридора заглядывали в командирское купе.

На миниатюрном, со школьную тетрадку размером экране собралась вся элита: правительство, бизнес, богема, руководство силовых ведомств. Глава государства нетерпеливо говорил что-то министру обороны, потом радостно воскликнул, что кого-то видит. Радость оказалась преждевременной, ничего интересного не показывали, поэтому Реутов вернулся в свое купе, с аппетитом прикончил макароны, снова вышел в коридор и положил себе добавку из оставленного нарядом судка.

Возвращаясь к себе, он мимоходом заглянул к Глебову, но хваленый телевизор майора Тимохина показывал только полосы помех. Не успел Аркадий умять половину тарелки, как снаружи сверкнуло и раздался сильнейший грохот.

Самое удивительное, что эшелон доисторических танков не был затронут внезапной атакой, словно загадочный враг побрезговал устаревшими машинами либо вообще не знал об их существовании. Удар непостижимых средств поражения обрушился только на хозяйство Ольховского.

Убитыми батальон потерял немногих – почти весь личный состав расположился на травке в большом радиусе от эшелона. Но зрелище все равно получилось жуткое: словно вдоль поезда провели раскаленным паяльником. Разрезанные пополам вагоны и платформы дымились, пламя лизало деревянные части. Особо сильное потрясение Реутов испытал, увидев, как с платформы медленно сползает, опрокидываясь кверху гусеницей, левая половинка распиленного надвое танка.

Кто-то крикнул:

– Воздух! Бомбят!

В небе, однако, никаких летающих аппаратов не было видать, за исключением фанерного драндулета сельскохозяйственной авиации. Из разрезанных танков уже вытекала солярка, огонь подбирался к укладкам боеприпасов. Ольховский орал, требуя немедленно тушить пожары, выносить из огня оружие и боеприпасы.

Слушались его плохо, солдаты и офицеры растерялись, бестолково бегали в отдалении, не решаясь приблизиться. Прошло несколько минут, прежде чем несколько человек вытащили огнетушители из охваченных пламенем машин, чуть позже выстроились цепочки бойцов возле предпоследнего вагона – из рук в руки передавали ящики с автоматами и патронами.

Рядом с Аркадием нервно матерился Суровегин, пытавшийся дозвониться родителям в Иркутск. Наконец он сунул мобильник в карман, сообщив окружающим:

– Связи нет. Сначала сигнал не проходил, а теперь трубка сдохла. Наверное, батарею посадил... Но я же, мать его, только вечером на зарядку поставил...

Перебив его, Водоходов закричал, показывая рукой на запад, приблизительно в сторону Москвы:

– Смотрите, вон там... Ракеты!

Несмотря на яркий солнечный свет, видно было, как вдали поднимаются над горизонтом яркие светлячки. Три погасли один за другим, но четвертый взвился высоко в небо и там сверкнул ослепительным шариком, едва не затмившим дневное светило. Потом из окрестностей сработавшей боеголовки потянулся пологой линией белый инверсионный след, скрывшийся за деревьями ближней рощи.

– Кого-то сбили, – прокомментировал Глебов. – Я слышал, вокруг Москвы сохранилась противоракетная оборона...

– С ядерными боеголовками? – недоверчиво переспросил Реутов. – Взрыв был ого-го...

– Кто знает, что там в шахтах стояло, – вздохнул майор. – Пацаны, это на войну похоже, но не пойму, с кем.

Все согласились, что такой страшной техники даже у американцев не должно быть. Юра Гладков, чаще других смотревший телевизор, снова вспомнил про космических пришельцев,

но был поднят на смех. Посоветовав офицерам быть серьезнее, Глебов построил личный состав и повел тушить горящий состав.

Общими усилиями они с грехом пополам залили пеной один танк и пару бэтээров. Потом подъехали три пожарные машины. Бойцы МЧС подключили рукава к водяным магистралям, и вскоре с огнем удалось покончить. Взорвался лишь один Т-72Б, убив и покалечив нескольких рядовых отдельного батальона.

Пожарные сами плохо знали, что происходит, но проныра Варгушин отыскал и привел немолодого дядьку, который рассказал, что в райцентре никаких происшествий не случилось. Уйти по-тихому ему не позволили, офицеры и сержанты окружили пожарного, и тот уныло перечислял:

– Говорю же, спокойно. Не бомбили нас. Только телевизор и радио вдруг замолчали. Мобильные телефоны повывключались, а простой телефон работает, но только по области. На межгород и Москву или на Питер выхода нет. Начальник станции позвонил, что состав на путях загорелся, хорошо слышно было.

Его окликнули. Офицер МЧС растолкал военных и выдернул подчиненного из окружения, сурово пояснив:

– Потом договорите, у нас еще один вызов.
– Далеко? – меланхолично поинтересовался боец с огненной стихией.
– Двадцать верст. Батальон внутренних войск этого подполковника... ну, как его...
– А что там случилось? – забеспокоился пожилой пожарный. – Там из нашей деревни много пареньков служит.

Красные машины с выдвижными лестницами на крышах умчались, подвывая сиренами. Старшие офицеры собрались на военный совет. После недолгих споров раздали автоматы двум взводам отдельного батальона и взводу «артистов», благо из вагонов этого добра вынесли много. Хуже было с патронами – каждому досталось по два неполных рожка. Велев патрулировать окрестности и отражать огнем любые нападения, Глебов с Ольховским ушли на станцию – выяснять обстановку.

Вернулись они через час обеспокоенные, сбитые с толку и злые. Ни на станции, ни в райцентре никто ничего конкретно не знал, но ходили слухи, будто началась война, Москву то ли американцы, то ли китайцы разбомбили, скоро и сюда десант бросят. Ближе к вечеру подтянулись местные жители, несли солдатам покусать, а заодно выводывали, что же случилось. Поскольку военные знали меньше гражданских, неразбериха только усиливалась.

Сменившись из караула в девять вечера, Реутов попытался послушать музыку, но айпод молчал, как пресловутый партизан в гестапо. От нехрена делать старший лейтенант полез в танк, пощелкал тумблерами рации, которая, как ни странно, работала. Ему ответил майор, не пожелавший назваться, но выяснивший, где находится танковая радиостанция.

Через полчаса подкатил уазик с двумя офицерами. Подполковник Казаринцев приказал построить личный состав и сделал объявление, потрясшее всех сильнее, чем ставшие привычными домыслы о новой мировой войне.

– Нам удалось расстрелять оба корабля на орбите большими ракетами, – говорил Казаринцев. – Очень большими. Новых ударов из космоса можно не опасаться. По крайней мере, мы на это надеемся. Однако вся полупроводниковая техника выведена из строя неизвестным оружием. Кроме того, противник высадил десанты в разных частях света. Ближайший плацдарм агрессора находится в Польше, и мы должны выяснить, какая там обстановка. Вероятно, вы – единственное воинское подразделение, сохранившее бронетехнику, и это самое важное. Эти мохнатые твари зомбируют людей с помощью гипноза и заставляют стрелять по своим. Однако мы точно установили, что через металл их гипноз не действует. Поэтому при контакте с противником ни в коем случае не покидайте бронированных объемов. Сгружайте машины,

налаживайте охранение, и завтра с рассветом двинетесь на запад. Действуйте по законам военного времени – можете конфисковать грузовики, бульдозеры, провиант.

Подполковник повторил информацию, которую днем сообщил Мадригайлов: на полигоне НИИ баллистики в двух километрах отсюда имеется запас снарядов для устаревших 45-миллиметровых пушек.

К утру выяснилось, что батальон Ольховского понес новые потери: ночью сбежали восемь призывников и девятнадцать контрактников, причем трое прихватили автоматы. Прибыло и пополнение – сводный отряд внутренних войск из того батальона, что погиб в двадцати километрах от станции. Было их чуть больше взвода на двух грузовиках. Здоровенный, покрытый свежими ссадинами, лейтенант Гусаров мрачно поведал, нервно теребя краповый берет:

– Из тех, кто в гарнизоне оставался, половина погибла под развалинами. До сорока человек ранены, но тяжелых почти нет. К вечеру многие прибежали с увольнения, местные тоже помогли разбирать завалы. Всего человек девяносто в строю, оружие тоже частично спасли. А машины, новенькие «Волки», не заводятся.

– Полупроводники, – мрачно сказал Тимохин.

– Ну да, нам тот майор из бункера так и объяснил, – Гусаров кивнул и все-таки нахлобучил берет на положенную часть тела. – Потом, уже ночью, нам сказали, что возле станции танкисты готовятся к рейду на запад. Мы, конечно, сразу вызвались. Народ просто зверски злой на сволочь инопланетную. Если встретим, голыми руками рвать будем.

– Не сомневаюсь, что встретим, – угрожающе произнес Ольховский, ставший старшим воинским начальником этого направления. – Вот что, лейтенант, организуй-ка погоню за нашими дезертирами, пока чего не натворили.

Гусаров козырнул и пошел отдавать распоряжения. Проходя мимо БТ-5 старшего лейтенанта Реутова, он восхищенно осмотрел боевую машину и бросил на ходу:

– Сильно! Особенно портрет.

Не разобрав, шутит незнакомый офицер или всерьез ему понравилось, Аркадий неразборчиво фыркнул в ответ и продолжил инструктаж.

Из разгромленного «лучом смерти» батальона глебовцы позаимствовали нескольких танкистов, оставшихся без машин. Экипаж Реутова пополнил ефрейтор осеннего призыва Артур Бородин, отслуживший башенным стрелком на бронетранспортере.

– Раньше мы готовились на этих танках по съемочным площадкам кататься, – говорил старший лейтенант. – Мы с Сергей были как бы на все руки мастера, могли друг друга подменять: я – за рычагами, а он из пушки постреливает холостыми, могли наоборот. Но теперь придется воевать по-взрослому, а я сомневаюсь, что Бородин сможет управлять этой машиной. Поэтому сержант Варгушин становится штатным мехводом, а Бородин заряжающим, а я буду стрелять из пушки и вообще командовать. Бородин, вы справитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.